

Екатерина Бунькова

Том 2

СНОВ

когда

Рэйвена

Екатерина Бунькова

9 снов лорда Рэйвена 2

<https://litres.ru/74205527>

Аннотация

Рэйвен познал Амок - безумную жажду любви, одержимость своей Единственной. Но все пошло не по плану. Его тело ему не подчиняется, его разум плодит иллюзии, заставляя путать сон и реальность. Жизнь рассыпается на части. А он не может даже признаться в этом той, что стала тому причиной, и социальные нормы загоняют его все глубже в пучину безысходности.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	30
Глава 3.	49
Глава 4.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1.

**Сохраню здесь старую обложку на память))*

Друзья, вы читаете вторую часть. Если оказались здесь случайно, перейдите в первую.

- Она не придет, - наверное, в тысячный раз сказал Лейкери непривычно серьезным тоном. – Вернитесь в постель, мой мальчик. Вам нужно еще немного поспать.

- Должна прийти. Ведь предыдущие два сна сбылись, - напомнил Рэйвен, настороженно вглядываясь в каменный двор, уже ярко залитый светом солнца. Двор был пуст.

- Это не более, чем совпадение, - отмахнулся доктор. – Во время Амока мужчинам свойственны сны... определенного рода. Собственно, с них все и начинается. Если б Вы раньше рассказали мне о сути Ваших снов... Но Вы лишь называли их «странными». Мне и в голову не пришло, что это было начало Амока: ведь мы в Шаттергрane.

- А если б Вы сразу поняли, смогли бы это остановить? – уточнил Рэйвен, не отрывая взгляда от той стороны, откуда могла прийти Кеттелин.

- Нет, - подумав, признался Лейкери.

- А мой отец?

- Тоже вряд ли, - покачал головой доктор. – Это явление неподвластно медицине. Но если хотите, я могу сходить за

ним: вряд ли он уже уехал, еще слишком рано.

- Нет! – Рэйвен торопливо поднял руку, останавливая доктора. – Не надо ему говорить.

- Он же все равно узнает, - нахмурился Лейкери. – Амок – не то, что легко можно скрыть. У Вас даже сейчас вид... взъерошенный какой-то. И это после убойной дозы успокоительного.

- Я и не надеюсь скрыть свое состояние от отца, - покачал головой молодой лорд. – Скрыть нужно только...

Он замялся, не зная, как сформулировать.

- ... объект страсти? – закончил за него Лейкери. – А Вы уверены, что это именно Кеттелин? Может быть, Амок просто немного запоздал, и...

Рэйвен посмотрел на доктора таким взглядом, что тот заткнулся.

- Да, глупость сморозил, - смутился доктор. – Вам, конечно, виднее.

- Это надо остановить, - вмешался в разговор и Тобиан. – Мы не можем пустить все на самотек. Милорду нужно немедленно возвращаться в Эльдар!

- Думаешь, Амок так легко отменить? – сказал ему Лейкери. – Я еще мог бы понять, если б мы попытались разлучить их на начальном этапе – хотя и там не факт, что получилось бы. Но дело дошло до физиологических явлений.

- А ты собираешься дать Амоку ход? – Тобиан с неприкрытым ужасом посмотрел на доктора. – С этой... шаттер-

гранкой? Это просто невозможно. Даже сама мысль о подобном вызывает у меня омерзение.

- Ты поосторожнее в выражениях, - Лейкери кивнул на молодого лорда, все еще неотрывно глядящего в окно.

- Извините за грубость, милорд, - с поклоном сказал тому Тобиан. – Но это неприемлемо. Я считаю, что Вам нужно прекратить всякое общение с этой женщиной и немедленно уехать.

- А что, если я не хочу? – спокойно ответил Рэйвен.

- Это говорите не вы, а Амок, - уверенно заявил Тобиан. – Вы не можете в данный момент принимать взвешенные решения. Прислушайтесь к советам старших.

- То есть, у вас обоих нет сомнений, что это действительно Амок? – Рэйвен обернулся к ним.

Доктор и камердинер переглянулись.

- Увы, других предположений нет, - осторожно сказал Лейкери.

- Но насчет объекта страсти лично я сомневаюсь, - упрямо заявил Тобиан. – Я, конечно, не врач и не разбираюсь в нюансах, но по мне, Амок – разновидность сумасшествия. И Ваш отец того же мнения, между прочим. А сумасшествие – сфера безграничная.

- Не могу не согласиться, кивнул Лейкери. Амок — не чума какая-нибудь с явными симптомами и предсказуемым течением. Больной мозг может выдавать что угодно.

- Тем более, под сильным эмоциональным воздействием,

напомнил Тобиан. - Милорд, Вы же сами признались, что вчера не раз испытали сильные эмоции. Плюс приняли неизвестное вещество, дурмнящее сознание. А леди Кеттелин все это время была рядом. Что, если Ваш мозг просто... перепутал? Вас надо вернуть в Эльдар. Может быть, встреча с Вашей Единственной расставит все на свои места.

- Хм, - нахмурился Лейкери. – Не лишено смысла. Может быть, Тобиан и прав. Что скажете, милорд? Я могу остаться здесь вместо Вас. А Вы можете вернуться с отцом.

- Я никуда не поеду, - спокойно сказал Рэйвен.

- Но... - начал Тобиан.

- Я должен увидеть Кеттелин, - Рэйвен развернулся и пошел к выходу.

- С ума сошли? – Тобиан, отбросив свои идеальные манеры, перегородил ему дорогу. – Вам нельзя ее видеть: неизвестно, к чему это приведет. Да и куда Вы пойдете: едва расвелось, леди наверняка еще спит. Это просто невежливо!

- Во сне она была очень пьяна, - сказал Рэйвен. – Настолько, что запнулась и рухнула на пол. Я переживаю, что в реальности Кеттелин могла и вовсе не дойти до меня. Что, если она упала в колодец? Или оступилась и разбила голову о камни? Я должен убедиться, что с ней все хорошо.

- Тогда я сам схожу, а Вы оставайтесь здесь и проспите, - сказал Тобиан и развернулся было к выходу, но молодой лорд остановил его.

- Нет, - сказал он. – Еще я хочу убедиться, что она дей-

ствительно... вызывает у меня эти чувства.

- Вы хотите убедиться? Или же ищете повод, чтобы испытать их в реальности? – уточнил доктор, с жалостью глянув на подопечного. – Вы же понимаете, что она не эльдарка, и взаимностью не ответит хотя бы потому, что Вы для нее – чужак. Вам будет больно.

Рэйвен не ответил, только прикрыл глаза и покачал головой. Лейкери вздохнул.

- Пусти его, Тобиан, - сказал он.

- Но... - начал было камердинер.

- Кто мы, чтобы ему препятствовать? – спросил Лейкери. – Он совершеннолетний. Это его выбор. Мы можем лишь высказать свое мнение и предостеречь. А решение остается за ним.

Тобиан нахмурился, но отступил.

- Вы идете в пасть к дракону, - сказал он в спину уходящему господину.

Рэйвен шел по залитому солнцем двору, внимательно оглядываясь по сторонам. Тело его было непослушным и побаливало после вчерашних нагрузок, а чувства были притуплены успокоительным, которое влил в него Лейкери. Думать под гнетом лекарства было тоже тяжело, и мысли будто вынуждены были прорываться сквозь вату. Безумие схлынуло, но смятение и общее ощущение, что он попал в неизвестно кем расставленную ловушку, осталось.

В то, что все это подстроила Кеттелин, как уверял его Тобиан не далее, чем час назад, Рэйвен не верил. И даже не потому, что считал ее непогрешимой. Напротив, он был уверен в том, что девушка далеко не столь прекрасна душой, какой представляла ему эти дни: понятно было, что как минимум поначалу она пыталась произвести на него хорошее впечатление из политических соображений, и даже если у нее и возникли к нему дружеские чувства, то это должно было еще больше подтолкнуть ее демонстрировать ему только положительные черты своей личности. А значит, где-то скрывалась и ее теневая сторона. Но в то, что эта теневая сторона настолько изощрена в искусстве обмана, что сумела погрузить его в безумие Амока, Рэйвен сомневался. Хотя бы потому, что Кеттелин было всего лишь тридцать лет. О каком искусстве управления людьми может идти речь при таком маленьком жизненном опыте? Тем более, если это управление человеком другой расы. Нет, это все-таки бредовая мысль.

Вот в то, что она могла случайно подменить собой образ леди Ашими, верилось гораздо больше. Если подумать, Ашими всегда вызывала в нем теплые чувства. Что, если подобным образом проявилась тоска о ней? Ведь девушки действительно были в чем-то похожи: хотя бы в том, что на любых мероприятиях обе оказывались ему ближе, чем все остальные люди. Кеттелин так естественно заняла место Ашими, что больной мозг вполне мог дать сбой. По крайней

мере, Рэйвену хотелось в это верить. Нужно было предоставить решение телу. Тело не обманешь. Оно не пойдет на поводу у больного сознания и не переступит расовую черту, что бы там ему ни приснилось. Да и сон ли это был? Не потому ли увиденное не сбылось, что не было сном, а оказалось всего лишь болезненным бредом? Вот ведь он уже дошел до крыла Кеттелин, но так ее и не встретил. Хотя...

Рэйвен, уже почти взявшийся за ручку двери, услышал знакомый звук: ритмичные вдохи и выдохи, иногда шумные и долгие, иногда с толчком. Сразу вспомнилась вчерашняя тренировка отряда.

Он обогнул крыло. Действительно: Кеттелин в старых бесформенных штанах и с забинтованной грудью ритмично мутузила мешок с соломой. И делала это, похоже, уже давно, потому что здорово вспотела, и черные пряди волос, выбившиеся из пучка, прилипли к вискам и скулам.

- Доброе... Хха! ... утро... хэк! ... лорд Рэйвен. Хха! – она подпрыгнула и завершила упражнение немислимым кульбитом, ловко и практически беззвучно приземлившись на то же место. – Не хотите размяться? Уфф!

- Нет, спасибо, - отказался он, разглядывая ее, но сосредоточившись больше на своих ощущениях. Вроде бы, никаких безумных реакций не наблюдалось. Либо все произошедшее было бредом на фоне усталости, эмоциональной перегрузки, болезни и отравления дурманом, либо Кеттелин действительно не была объектом Амока.

Он облегченно вздохнул и немного расслабился.

- А что так? – удивилась Кеттелин его отказу. – Перебрали вчера? Так Вы, вроде, почти не пили. Это я что-то переборщила, так что даже мутит и голова болит.

Она потеряла виски.

- Зачем же Вы тогда истязаете себя физическими упражнениями? – не понял Рэйвен.

- Ну, не останавливать же жизнь из-за какого-то похмеля, - пожалала плечами Кеттелин. – Ничего, к обеду отпустит. Да и я, может, поумнею, наконец, и запомню, что в моем возрасте надо меньше пить.

- Вы еще очень молоды, - заметил Рэйвен.

- Хах. Скажите это моему телу, - фыркнула девушка. – Чай пить будете? Он как раз заварился. Правда, ничего съестного нет: Гетти только-только ушла на кухню. Но после пьянки надо больше чаю пить – проверено, помогает. Заходите.

Она махнула ему рукой, чтобы поднимался на террасу и, не дожидаясь ответа, отвернулась и принялась отвязывать от петли, вбитой в резной столб, своего соломенного «противника».

Рэйвен поднялся по ступеням и замер на самой верхней, чтобы не подходить к полураздетой девушке слишком близко. Ее спина была подобна учебнику анатомии: каждая мышца видна, хоть бери перо и подписывай. Рэйвен непроизвольно залюбовался культурой тела шаттергранцев. Пожалуй, ко-

гда люди уделяют столько внимания состоянию своих мышц, прятать их под одеждой действительно бессмысленно. Вечная полуодетость шаттергранцев с этой точки зрения была ничем иным, как аналогом орнаментов в одеждах эльдарцев. Возможно, они даже гордились шрамами. Хотя у Кеттелин их все-таки многовато.

Рэйвен окинул взглядом неведомую клинопись – историю битв, написанную по живой плоти. Залюбовался непривычной формой спины и ее вытянутыми линиями. Улыбнулся, заметив золотистый пушок на пояснице вдоль позвоночника. Было в нем что-то детское и милое.

Пока он об этом размышлял, Кеттелин закончила с веревкой и мешком, повернулась к нему, глянула мельком и уже было вознамерилась унести «противника» в дом, как вдруг всмотрелась в лицо гостя и сказала секретным шепотом:

- Рэй, у тебя слюна по подбородку бежит.

Рэйвен быстро прикрыл рот ладонью и покраснел, наверное, с ног до головы, желая провалиться сквозь землю. Кеттелин звонко рассмеялась.

- Простите ради всех богов, - покаялся он, достал платок и вытерся. – Я только что принял сильнодействующее лекарство. Наверное, побочный эффект. Даже не почувствовал... Простите, мне так неудобно.

- Да ничего, бывает, - Кеттелин похлопала его по плечу, сдерживая улыбку. – Мне даже немного приятно: в кои-то веки на меня мужчины слюнки пускают. Расстелите вон тот

коврик и стол на него поставьте, пожалуйста, а я чай сделаю. О, и я тут Вам кое-что показать хотела. Сейчас принесу.

Она исчезла в доме и сначала вернулась оттуда с чайным сервизом, а потом с небольшим деревцем в плошке и металлически позвякивающим свертком. Деревце было сочно-зеленое, с плотными кожистыми листьями круглой формы, но прежде Рэйвен таких растений не встречал.

- Что это? – спросил он, торопясь перевести тему и замять свой конфуз.

- Это – фиговое дерево, - пояснила Кеттелин, разливая чай.

- Какое? – не понял Рэйвен.

- Ну, фи́га – фрукт такой, - Кеттелин показала нечто небольшое. – Вам кварки ни разу не привозили?

Эльдарец отрицательно помотал головой.

- Вы ничего не потеряли, - отмахнулась Кеттелин. – Вкус так себе. Но, честно говоря, это не совсем тот вид фигового дерева: у того листья резные и большие, а у этого – круглые и маленькие. И оно не плодоносит. Точнее, на юге-то плодоносит, но мелкими такими ягодками. И несъедобными. Мне этот саженец один купец из кварков привез еще лет двадцать назад. Хороший был дядька, увлекающийся. Хоть и страшный на вид. Сахару?

- Нет, спасибо, - отказался Рэйвен.

Она подала ему чашку.

- Это дерево какое-то особенное? – уточнил он, отпивая

глоток шиповникового отвара, который девушка отчего-то назвала чаем.

- Ага, - кивнула Кеттелин. – Оно растет и зимой, и летом.

Рэйвен удивленно вскинул брови: он не считал себя знатоком географии, но был уверен, что зимой в Шаттергроне почти так же холодно, как и в Эльдаре, и никакие растения с юга – даже самые устойчивые – не могли перенести зимние морозы, будучи в листе.

- В доме, разумеется, - пояснила Кеттелин, заметив его изумление. – Оно не сбрасывает листья на зиму. Если поставить на южное окно, то фига преспокойно дожидается там весны. Главное, не поливать слишком часто. И землю она любит «посытнее»: чтоб компоста побольше было, а можно даже и... впрочем, мы же чай пьем. В общем, помнится, Вы хотели научиться ухаживать за маленькими деревьями. Так вот это – отличный экземпляр для тренировки. Хотите попробовать? Его как раз стричь пора.

- Зачем? – искренне удивился Рэйвен, оглядев облако листвы. – Он такой пушистый.

- Вот поэтому и пора, - пояснила Кеттелин. – Новые ветки загораживают свет старым. Без света листва внутри кроны начинает осыпаться. А потом – глядь – и уже полдерева облысело. Ветки получаются длинные, тощие, и листья только на концах. В природе, может, оно и хорошо, когда дерево к небу тянется – там, чай, солнца побольше. А у меня дома вместо неба потолок. Куда тянуться-то? Приходится стричь.

Садитесь сюда, я Вам покажу логику роста.

Она похлопала по коврику рядом с собой. Рэйвен замялся, покосившись на девушку.

- Что? – не поняла Кеттелин сути его сомнений. – Вы передумали учиться уходу за деревьями?

- Да я с радостью, но... Вы не могли бы надеть рубашку? – смущенно попросил он.

- Ах, это, - рассмеялась Кеттелин. – Вообще-то, мне еще жарко после тренировки. Да и солнце припекает. Так что только из уважения к Вам...

Она исчезла в доме, но почти сразу вернулась, на ходу натягивая нечто очень драное, серое и бесформенное. Ткань была такой ветхой, что практически не выполняла свою функцию и даже просвечивала.

- Любимая, - пояснила Кеттелин в ответ на невысказанный вопрос. – Дома в ней хожу.

Она сама села рядом с Рэйвеном, развернула плоску и сказала:

- Вот тут у него лицо.

- У кого? – не понял эльдарец.

- У дерева, - сказала Кеттелин.

Рэйвен осмотрел шершавый ствол, покрытый шрамами от удаленных или обломанных веток, но ничего похожего на человеческий лик не увидел, о чем и сообщил девушке.

- Ну, лицо, лицевая сторона – та часть, с которой лучше всего показывать вещь людям, - улыбнувшись, пояснила Кет-

телин. – Вот у одежды есть лицо, а есть изнанка. Вы же не демонстрируете одежду изнанкой наружу, верно? Такое только швеям интересно. Так и у моих деревьев есть сторона, которой я их к людям разворачиваю. У этого парня лицо вот здесь.

Она обвела рукой деревце, демонстрируя красиво раскинувшиеся узловатые ветви и пышную шапку зелени.

- Когда я только начинала коллекционировать маленькие деревья, то думала лишь о том, чтобы они поместились в горшки, и первое время вообще их никак не стригла, - начала девушка, разворачивая сверток с инструментами. – Они росли вверх и вширь, радовали меня. Но недолго – быстро начинали болеть и облетать. Вспоминать не хочу, сколько красивых деревьев загубила.

Она вздохнула и махнула рукой, отгоняя неприятные мысли, будто назойливого овода.

- Потом я заметила, что деревья лучше растут в треснутых горшках, и поняла, что им плохо в замкнутом пространстве – земля не «дышит», - продолжила Кеттелин. - Тогда я попросила гончара сделать мне горшки с дыркой в днище. Помню, он долго ржал, но в итоге сделал. Это немного поправило ситуацию, по крайней мере, на лето. Но зиму многие деревья все равно не пережили – вымерзли. Тогда я стала держать их зимой в погребе. Но пропустила момент пробуждения, и некоторые деревья принялись расти в темноте, побеги вытянулись и в итоге те деревья тоже погибли. Так я пришла к

мысли, что нужно что-то среднее между погребом и домом – чтобы и светло, и в меру прохладно. Ну, вы видели.

- Да, интересное техническое решение, - признал Рэйвен.
- Вы топите печь зимой, я правильно понимаю?

- Пробовала, - нахмурилась Кеттелин. – Загубила еще уйму деревьев. Все-таки, кто привык зимой спать, тот должен спать. Вот фига – другое дело.

Она любовно погладила деревце по пушистой кроне. Вниз посыпались усохшие коричневые прилистники.

- Вы только потрогайте, - с интонациями удовольствия в голосе сказала девушка. – Он же такой прохладный.

- Почему «он»? – уточнил Рэйвен, послушно коснувшись листы, которая действительно была приятна на ощупь.

- Ну... не знаю, - Кеттелин пожала плечами. – Выглядит как парень. Мужской силуэт. Не изящный, как девушка, не дородный, как многодетная мать, а могучий такой, основательный, как воин.

Рэйвен окинул растение взглядом. Действительно, что-то такое в нем было – в толщине и размахе ветвей, в движении линий ствола. Но пока Кеттелин не сказала, Рэйвен этого не замечал. Он попытался припомнить деревья в ее оранжерее. В памяти всплыли клен, похожий на мудрого старейшину, стыдливая яблоня, самодовольная ель и стайка смешных, растрепанных сосен-подростков, посаженных в один горшок. Когда-то давно учитель живописи сказал ему, что картина становится произведением искусства, когда зритель

чувствует в ней некую идею. В этих деревьях идеи определено были.

Он глянул на Кеттелин новым взглядом, только сейчас осознав, что общается с неоцененным художником. Художником, чьи работы могут погибнуть за один жаркий день без полива или же полностью потерять свой вид при отсутствии должного ухода. И ему предлагалось однажды стать хозяином этих работ. Нет: продолжить дело мастера.

- Возьмите, - сказала Кеттелин, и Рэйвен вздрогнул, когда его руки коснулось нечто холодное: ножницы с длинными ручками и короткими лезвиями. Он послушно взял их.

- Взгляните сюда, под крону, - Кеттелин пригнулась, подавая ему пример. Рэйвен склонился и тоже заглянул, стараясь не приближаться к ней слишком близко. Под зеленой шапкой скрывалось густое переплетение веток.

- Один к трем, - сказала Кеттелин. – Лучшее соотношение, на мой взгляд.

Девушка провела по коре остро отточенным ножом, демонстрируя линию от корней до одной из первых веток.

- Ствол снизу голый на треть, - поясняла она попутно. – Треть без листвы, две трети – с листвой. Когда разрастается больше, становится некрасиво. Нельзя один раз задать форму и надеяться, что она сохранится навсегда: израстется, подурнеет. И корней лучше больше трети не срезать. Считайте треть волшебным числом в отношении этих малышей.

Кеттелин улыбнулась. Рэйвен невольно отвлекся, залюбо-

вавшись вовсе не деревом. Хотя было и в самой девушке что-то от ее деревьев: стать, жизненная сила. И тоже шрамы по всему телу.

Он глянул на царапины, оставленные сапогом Арыка – рубашка была не завязана, и борозды бросались глаза – глубокие, воспаленные. Похоже, никто их даже не обрабатывал. Если Кеттелин всегда так относилась к получаемым ранениям, то неудивительно, что на ее теле так много шрамов. Плюс она истязает себя физическими нагрузками, игнорируя раны. Даже сейчас поджившие было царапины потрескались от утренних упражнений, и местами видна была свежая кровь. Хорошо бы обработать...

- Рэй? – понизив голос, окликнула его Кеттелин и прикрыла ладонью грудь. Рэйвен вздрогнул, поняв ЧТО рассматривает.

- Извините, - смутился он, отворачиваясь. – Задумался.

Кеттелин хмыкнула, но ничего не сказала и вернулась к сути разговора.

- Чтобы было красиво, надо каждый раз выбирать такую ветку, которая в перспективе будет толщиной с треть предыдущей ветки, - продолжила она, указывая острием ножа. – Вот скажите, в этой развилке какую ветвь лучше выбрать?

Рэйвен, все еще смущенный, присмотрелся. Ветки с его точки зрения были одинаковыми, только одна потолще, а другая – потоньше. Он выбрал ту, что потоньше.

- А вот и неправильно, - обрадовалась Кеттелин его ошиб-

ке. – То есть, с точки зрения толщины правильно, конечно. Но эта ветка – полудохлая: смотрите, она вся лысая, и на конце всего один уже желтеющий листик. Конечно, если мы обрежем ее соседку, слабая ветка, может быть, пустится в рост. А может и просто отсохнет. Поэтому рисковать не будем и выберем ветку, что потолще: она не настолько толстая, чтобы испортить композицию. Но мы ее на всякий случай укоротим, чтобы она отрастила себе молодые побеги у основания. Может быть, чуть ниже по стволу даже проснется ветка на замену. Отрежьте вот тут.

Она показала ему ножом, чиркнув по коре. В месте надреза выступил беловатый сок. Рэйвен послушно раскрыл ножницы и начал было смыкать их в указанном месте, но Кеттелин его остановила:

- Нет-нет! – сказала она, хватая его за руку. – Под другим углом, чтобы почку не повредить.

Рэйвен как всегда вздрогнул от неожиданности прикосновения и жара ее ладони. Покосился на девушку, пытаясь поймать ее взгляд и напомнить о правилах приличия, о которых Кеттелин опять забыла. Но взгляд его наткнулся на серию «петухов» в ее волосах. Похоже, девушка собрала пучок, даже не причесавшись. Хотя, это ведь его вина: сам явился в несусветную рань и не дал человеку ни минутки на уход за собой. Не надо было вообще к ней подходить: убедился бы, что с Кеттелин ничего не случилось, и вернулся. Наверняка ведь она привела бы себя в порядок сразу после тренировки.

По крайней мере, причесалась бы и ополоснулась.

Он втянул воздух: от Кеттелин ощутимо пахло потом. Впрочем, запах не был отталкивающим, просто чуть более сильным, чем всегда.

- Рэйвен, Вы боитесь, что ли? – Кеттелин снова выдернула его из размышлений. – Режьте уже. Это не настолько важная ветка, чтобы за нее переживать.

Он спохватился и торопливо сомкнул лезвия. Довольно неуклюже, потому что Кеттелин поджала губы при виде получившегося среза. Но ничего не сказала, лишь молча вытянула из кроны застрявшую в ней обрезанную ветку.

- Вот, видите: сразу свет попал на нужную почку, - прокомментировала она. – Давайте теперь разберемся с вот этими зарослями. Видите скопление веток, растущих из одной точки? Если все они продолжают расти, как растут, то в этом месте получится некрасивое утолщение. Надо оставить только одну. Какую выберете?

Рэйвен тряхнул головой и попытался снова сосредоточиться, хотя сегодня сделать это было довольно сложно. И не в последнюю очередь потому, что они сидели слишком близко друг к другу, склонившись к деревцу, и выпавшая из пучка прядь волос Кеттелин щекотала ему щеку.

- Вот эту, - он указал кончиками ножниц.
- Верно, - слегка удивленно сказала Кеттелин. – А почему?
- Не знаю, - Рэйвен пожал плечами. – Она красиво отходит от ствола.

- Да, линия благородная, - признала девушка. – А еще эта ветка молодая, но сильная. Она нам очень даже подходит на замену той, что росла здесь раньше. Мы ее только подкоротим вот так.

Кеттелин забрала у Рэйвена ножницы и щелкнула ими, обрезая ни в чем не повинную веточку практически у основания.

- А Вы можете удалить остальные, - предложила она. – Вот Вам для этого другой инструмент.

Девушка подала ему что-то вроде остро отточенных клещей. Рэйвен взял их и попытался пристроить у основания ближайшей лишней ветки. Это оказалось довольно сложно: веток было много, а «нос» у клещей оказался широким.

- Ближе, - велела Кеттелин, придвигаясь к нему, чтобы смотреть с той же точки обзора. Рэйвен ощутил, как их уши соприкоснулись, а горячее дыхание Кеттелин пощекотало ему шею. По спине пробежали мурашки. Ну как она не чувствует, что нарушает все мыслимые границы?

- Снизу подцепите, там удобнее, - посоветовала Кеттелин, направляя его руку и приникая к нему еще ближе. Рэйвен ощутил сильнейшее волнение и попытался отстраниться. Определенно, идти сюда было плохой идеей. Он знал об этом и все равно пришел. Нашел повод. Да, повод. Какой смысл себя обманывать? Его влекло к Кеттелин. И неважно, по ошибке или целенаправленно. И сейчас нестерпимо хотелось обнять ее за плечи: она так удобно сидела, что это

движение будто само просилось. Обнять, почувствовать горячую кожу сквозь ветхую ткань и биение сердца под своей ладонью...

Рэйвен сглотнул снова набежавшую слюну, будто голодный при виде богато накрытого стола. Кеттелин нажала на клещи поверх его руки. Раздался щелчок, и ветка отпала.

- Надо сок убрать, - сказала она, явно не заметив его душевных переживаний и принимаясь промакивать капли подолом собственной рубахи. – Он после высыхания превращается в липкую дрянь, которую ничем не отчистить, так что будьте осторожны.

Промокнув срезы, девушка вытерла и инструменты. Опять о собственную рубаху, которую считала любимой. Видимо, деревья ею ценились выше.

- Вот так. Удалите остальные, теперь будет легче, - Кеттелин снова подала Рэйвену клещи и сместила чуть назад, чтобы дать ему простор действия. Но лучше б она этого не делала. Горячее дыхание стало колыхать волосы и щекотать ухо и шею Рэйвена, заставляя думать вовсе не о ветке, а о близости Кеттелин. Жар грел ему плечо и бок. Рэйвену снова нестерпимо захотелось, чтобы она его обняла. Для шаттергранки это движение вряд ли много бы значило. А для него... Боги, неужели это все-таки правда? Он поражен Амоком, нацеленным на смертную? Это же просто катастрофа.

Он прикрыл глаза.

- Рэйвен, Вы сегодня какой-то рассеянный, - заметила

Кеттелин, забирая у него клещи и быстро и ловко удаляя лишние ветки. – Не перегрелись? Хотя, вроде, еще не так жарко. Да и волосы у Вас светлые, солнце не должно их припекать. Может, Вы заболели из-за вчерашнего дождя?

Она отложила инструменты и потрогала его лоб, но ее ладонь была, разумеется, горячее.

- Да, я не очень хорошо себя чувствую, - сказал Рэйвен, нежась под этим теплым прикосновением. – Мысли ватные от лекарства. Думать очень тяжело.

- Вы, наверное, еще и не выспались, - сочувственно заметила Кеттелин, отнимая ладонь. – Легли-то за полночь. Вон, как будто и синяки под глазами. А чего Вы, собственно, встали в такую рань? Спали бы да спали. Даже если собирались что-то обсуждать за завтраком с отцом, так он гостей не зовет рано.

Рэйвен вспомнил о своем статусе, встряхнул головой и попытался сосредоточиться. Получилось плохо.

- А Вы почему рано встали? – задал он встречный вопрос, чтобы не врать.

- Бессонница, - вздохнула Кеттелин. – Проснулась случайно на рассвете, и вдруг мысль: хочу земляничного ликера. Ну, какой ликер в такую рань? Тем более, после вчерашнего. Так и в запой можно уйти. Попыталась заснуть – и ни в какую. Пришлось встать и делом заняться.

Рэйвен прикусил губу. Выходило, что сон опять был вещим, но лишь частично. Кеттелин действительно могла на-

питься земляничного ликера, спьяну заявиться к нему и...

И. Тобиан и Лейкери не допустили бы того, что случилось во сне. Да и сам он остановил бы себя хотя бы затем, чтобы не смущать Кеттелин своим поведением: она-то, похоже, ничего подобного не чувствовала. Собственно, и не должна была. Хотя вчера в поле Кеттелин делала такие вещи... Если ему, конечно, все это не привиделось.

Рэйвен вспомнил, как она коснулась его губами. Прикрыл глаза и облизнулся, на миг погрузившись в воспоминание. Горячее облако дыхания, пьянящий взгляд и тяжесть распяленного шалостью тела...

- Рэй, - бархатным голосом сказала Кеттелин, пряча улыбку. – Мне кажется, Ваш доктор перепутал бутылочки.

Рэйвен посмотрел на нее сквозь мутное облако желания, плохо понимая смысл слов. Кеттелин легко стукнула его кончиком пальца по носу и сказала:

- Пум.

Рэйвен очнулся, вздрогнул и тряхнул головой, отгоняя наваждение.

- Простите, ради всех богов, - пробормотал он, краснея. Мысли и образы возникали в его голове непроизвольно, и самоконтроль явно опаздывал. То ли успокоительное Лейкери не действовало, то ли действовало, но не на ту сферу сознания.

Он потер лицо, прогоняя наваждение.

- Да ладно, не извиняйтесь, - Кеттелин рассмеялась при

виде его смущения. – Вы сегодня очень милы. И похожи на заспанного медвежонка – как будто дремлете на ходу. Думаю, Вам просто стоит еще немного поспать. Если хотите, можете лечь у меня. Папа все равно не ждет Вас раньше одиннадцати. Да и вообще, думаю, присутствия Вашего отца на официальных обедах вполне достаточно.

- Боюсь, он сейчас как раз отбывает в Эльдар, - вздохнул Рэйвен, осознавая, что действительно теперь должен более серьезно отнестись ко всем мероприятиям, на которые официально приглашен. В том числе, званым обедам. И еще он подумал, что хорошо бы поменьше мечтать о том, что невозможно.

Подумать-то подумал, но тут же случайно наткнулся взглядом на изгиб шеи Кеттелин и ощутил нестерпимое желание коснуться ее. Почему, ну почему она не рождена в Эльдаре? Или же почему он сам не рожден смертным? Какая-то жестокая насмешка богов. Он даже тронуть ее не может.

Рэйвен стиснул зубы, ощутив смесь ярости и желания. Но тут же спохватился и попытался взять себя в руки, перейдя на глубокое размеренное дыхание, которым пользовался во время приступов.

- Вам плохо? – Кеттелин обеспокоенно коснулась его плеча и вгляделась в лицо.

Горькая усмешка слетела с его губ. Он не может ее касаться. А она – может. И всего-то и нужно: не напоминать ей об

эльдарских правилах приличия. Жить, как шаттергранец. Их нравы откровеннее и проще. Какая гениальная и легко осуществимая идея – просто не напоминать. Кеттелин будет касаться его постоянно – вот так случайно и намеренно. Бегать рядом почти без одежды, валять в пыли, обучая бою, плясать с ним, забывшись в пьяном угаре, и доверчиво засыпать у него на руках. Шаттергранцы же так вольно относятся к теме взаимоотношений мужчины и женщины. Что-то подсказывало Рэйвену, что он мог бы даже позвать ее на свидание – пусть не совсем всерьез, прикрываясь все той же идеей изучения традиций – и она бы наверняка согласилась. Просто потому, что все шаттергранцы любят пошутить, и для Кеттелин это как раз забавная шалость...

Рэйвен спохватился, что его снова несет, и больно прикусил себе губу, чтобы остановиться. Даже с точки зрения шаттергранцев найдется с десяток причин не допускать подобного. А хоть бы и отсутствие у Кеттелин каких бы то ни было чувств к нему. Не считая того случая в поле, который ему, скорее всего, частично примерещился, она не проявляла к нему никакого внимания. Кроме дружеской заботы.

«И пользоваться ее дружескими жестами нельзя. Это обман, - подумал Рэйвен. - Грязная манипуляция ничего не подозревающей девушкой».

«Девочкой, если смотреть с эльдарской точки зрения», - подсказала ему другая часть сознания, еще более строгая.

Рэйвен почувствовал себя окончательно опустившимся

человеком. Все, на что он может претендовать – дружеское внимание и случайные прикосновения. Но что для нее случайное прикосновение – для него случайная ласка. Это как пользоваться нежностью и чистой любовью ребенка в совсем иных целях. Мерзко. Гадко. Немыслимо.

Он скривился и покачал головой, пытаясь отключить ту часть сознания, что перестала ему подчиняться. Кеттелин все еще обеспокоенно на него смотрела и держала за плечо, готовая подхватить, если он начнет заваливаться, как там, в Саду. Отзывчивая, заботливая, чистая. И такая желанная...

Рэйвен все-таки не сдержался и потерял подбородком о ее пальцы, едва сдержав стон внутренней борьбы.

- Рэй, ты что, все еще под дурманом? – рассмеялась Кеттелин и... погладила его свободной рукой. По телу вопреки убойной дозе успокоительного пробежала серия мелких судорог.

Да гори все синим пламенем! Он не выбирал ее. Он не хотел этого. Но разве можно этому сопротивляться? Пусть это всего лишь случайные прикосновения. Пусть ничего серьезного не будет. Пусть ему придется вечно бороться с собой и выглядеть чуть сумасшедшим в ее глазах. Он будет следовать за ней и выполнять всякое желание. Он станет ее тенью, ее телохранителем, другом, врачом, музой, учеником, ковриком под дверью – кем угодно...

- Эй, есть кто дома? – раздался у него за спиной незнакомый мужской голос. Рэйвен вздрогнул, снова вырванный из

мечтаний в реальность. Кеттелин тоже встряхнулась. Подняла ладонь ко лбу и недоверчиво сощурилась, глядя против яркого солнца.

- Филин? – глаза ее вдруг вспыхнули и начали разгораться искренней радостью. – Филин!

Она вскочила и, перемахнув через сидящего эльдарца одним легким движением, бросилась навстречу гостю. Рэйвен обернулся ровно затем, чтобы увидеть, как Кеттелин оттолкнулась от верхней ступени лестницы и, совершив длинный звериный прыжок, едва не сбила гостя, угодив в распахнутые объятия. Он закружил ее, смеясь. Потом поднял над собой, держа под мышки, как ребенка. Кеттелин плакала от радости.

А Рэйвен молча закрыл глаза и пожалел, что не умер прошлой ночью.

Глава 2.

- Говорят, труд облагораживает, - раздался за спиной Рэйвена голос доктора Лейкери. – Но не пора ли прерваться?

- Как Вы узнали, что я тут? – угрюмо спросил Рэйвен, по одной вынимая жухлые хвоинки из живописно закрученной сосны.

- Мне сказала служанка Кеттелин, - пояснил доктор, оглядывая Сад. Прошелся немного вдоль лавок с расставленными на них деревьями. Хмыкнул, оценив необычность этого места, и присел за столик.

- Зачем Вы пришли? – без особого интереса спросил Рэйвен, не отвлекаясь от работы.

- Ну, изначально я думал, что иду звать Вас на обед у Дегеды Мудрого, - задумчиво сказал доктор, оглядывая подопечного. – Но что-то мне подсказывает, что я пришел врачевать душу. Что случилось?

- Ничего, - спокойно сказал Рэйвен, сдувая сухие хвоинки с лавки. Те подлетели и закружились в воздухе. Рэйвен проследил за их полетом, вздохнул и задумчиво потянулся за новыми.

- Ну как же ничего, - нахмурился Лейкери. – На Вас лица нет. Что случилось?

- Говорю же: ничего, - повторил Рэйвен и повернулся к настырному доктору. – Я ничего такого ей не сделал, не пе-

реживайте. Она показала мне, как правильно стричь деревья, чтобы было красиво. Потом познакомила со своим... другом. Потом предложила всем пойти в Сад, потому что ей нужно было полить деревья. А я подумал, что мое присутствие рядом с ними не к месту и предложил свои услуги здесь, чтобы они могли наговориться после долгой разлуки. Вот и все.

- То есть, она там болтает со своим, как Вы выразились, другом, а Вы здесь думаете о том, как бы удавиться, я прав? – перефразировал доктор.

- Я ни о чем не думаю, - безэмоционально ответил Рэйвен.
– Я ухаживаю за деревьями.

- Четыре часа? – насмешливо и вместе с тем сочувственно глянул на него Лейкери. Потом вздохнул и показал молодому лорду на второй стул, предлагая сесть. Тот пожал плечами и послушно сел.

- Зачем Вы мучаете себя? – спросил Лейкери. – В том, что случилось, нет Вашей вины. Я тут подумал: Тобиан прав, Вам нужно вернуться в Эльдар. Да, мы не знаем способов остановить Амок. Но лишь потому, что никому раньше и в голову не приходило с ним бороться. Все мечтают о нем, как о чуде – даже те, кто считает Амок разновидностью сумасшествия. Ваш отец гениальный врач. Он найдет способ Вам помочь. Я, конечно, только рад буду первым опубликовать результаты исследования уникального случая Амока... но не ценой судьбы моего любимого воспитанника.

Он по-отечески улыбнулся молодому человеку. Рэйвен нахмурился и ничего не ответил. Лейкери вздохнул.

- Я понимаю: Вас нестерпимо тянет к Кеттелин, - продолжил он. - Но все, на что Вы можете рассчитывать – это платонические отношения. Если бы речь шла об обычной привязанности, я бы ничего не имел против: это странно, да, но по-своему прекрасно. Хоть мне и не понять, что Вы в ней нашли. Она стала бы Вашей музой, и Вы одарили бы мир каким-нибудь произведением искусства: картиной ли, поэмой или балладой. Это было бы прекрасно, и никто не был бы против. Вот только, увы, Амок двойственен: он захватывает и душу, и тело. Но Вы не можете быть с ней близки физически: оба народа будут против. К тому же, как мы только что выяснили, у Кеттелин уже есть некий «друг». Рэйвен, мой мальчик, Вам нужна помощь. Оставшись здесь, Вы не справитесь с собой и наворотите бед.

Рэйвен облокотился о столик и сжал виски ладонями.

- Это наказание мне от богов за то, что не верил в них, - сказал он.

- Ну, кто знает, наказание ли, - осторожно заметил доктор. – Вы, наверное, не знаете, но сегодня ночью у Вас остановилось сердце. Мне чудом удалось вернуть Вас с того света. Ваше сердце билось так слабо и неровно, что нам с Тобианом пришлось просидеть рядом с Вами несколько часов, поминутно отслеживая его состояние. А потом Вам приснился этот сон. Вас начало ломать и выкручивать. Я думал все,

на этом Вашему сердцу конец. Но к рассвету оно билось так ровно и надежно, как никогда. Словно кто-то зарядил его магией и запустил заново. Может быть, все наоборот: боги хотят излечить Вас?

Рэйвен недоверчиво глянул на доктора.

- Учитывая, сколько сильнейших эмоциональных воздействий испытало Ваше тело за последние пару суток, Вы должны были умереть уже раз пять, - продолжил пояснять свою мысль Лейкери. – А Вы выглядите всего лишь невыспавшимся. Ну и, конечно, подавленным. Боюсь представить, какая активность Вами завладеет, если вдруг Вас что-то обрадует. Или кто-то.

Он хитро сощурился. Рэйвен опять помолчал. Потом спросил:

- Вы видели его?

- Кого? – не понял доктор.

- Этого Филина – мужчину, которого она представила мне сегодня как друга, - пояснил Рэйвен.

- А, да. Мельком, - кивнул Лейкери.

На щеке Рэйвена дернулась мышца.

- Как думаете, они уже помолвлены? – тихо спросил он.

- Однозначно утверждать не могу, но... - Лейкери сделал паузу, подбирая правильные слова. – С чего Вы решили, что они вообще представляют из себя пару? Я, конечно, увидел их лишь издали, мельком, потому что разговаривал со служанкой Кеттелин, а не с ней самой. Но мне показалось, что

эти двое скорее старые друзья. Хотя не могу исключить возможность существования между ними притяжения другого рода. Так что не стоит Вам об этом думать. Достаточно и борьбы с собственной страстью, незачем нагружать свой разум еще и ревностью.

Рэйвен вздохнул. Оглядел монументальный клен, стоявший в центре помещения. А потом вдруг спросил:

- Скажите, Лейкери, что будет, если я предложу ей руку и сердце?

- Катастрофа, - не задумываясь, ответил доктор. – Даже не думайте об этом. Я еще могу понять желание быть с нею рядом. Могу даже представить некий вариант взаимной симпатии. И даже – только отцу Вашему не говорите – могу допустить не слишком откровенные... кхм... физические прикосновения. Но брак – это совсем другой уровень. Тут будет замешана и политика, и социальные трудности, и неадекватные реакции заинтересованных лиц... О, поверьте, Вам даже думать об этом не стоит. Однозначно плохая идея.

- А если бессмертный женится на смертной, могут ли у них быть дети? – еще тише уточнил Рэйвен. – И если да, то к какой расе они будут принадлежать?

Лейкери стукнул кулаком по столу.

- Рэйвен, - довольно грубо начал он. – Вы сходите с ума. Какие дети? Какой межрасовый брак? Даже до Смутных времен никто и слыхом не слыхивал о появлении детей у представителей двух рас. А уж после Смутных времен, когда сами

боги вмешались и вычистили кровь нашего народа от проникшей в нее восточной скверны, никто Вам и подумать не даст о подобном. Да и сомневаюсь, что это вообще возможно.

- Что это за Смутные времена? – спросил Рэйвен. – Все о них говорят, но я почти ничего не встречал об этом в книгах. Знаю только, что там был какой-то катаклизм и что боги вмешались, чтобы вернуть все обратно. Причем тут межрасовые браки?

- Да, все так, - кивнул Лейкери. – Книг об этом мало, так как Смутные времена - относительно недавние события: нет смысла писать книги, если каждый старик еще помнит, как это было. Если Вы захотите, любой из Старейшин расскажет Вам подробности. Хотя не стоит тревожить их память. Это история о том, как наш мир почти выродился. Как наш народ практически вымер, лишенный жизненных сил, и вынужден был ассимилироваться со смертной расой, чтобы сохранить хоть какую-то часть крови в потомках. Это было страшное время. Да и ассимиляция началась не на добровольных началах. Итогом стало появление химер. И, увы, химеры были смертными, хотя и плодовитыми. Эта плодовитость привела к почти полному смешению нашей расы с теми существами. Но даже в том случае ассимиляция стала возможна благодаря особенностям той расы, происходившей от богов напрямую, буквально в паре поколений.

- Подождите... Но мы же по-прежнему бессмертны. Как

так? - не понял Рэйвен.

- Позже две расы были разделены и очищены вмешательством богов, - пояснил Лейкери. – Одна из причин фанатичной веры Вашей матери как раз состоит в том, что ее предки лично были обращены богами из химер в нормальных бессмертных – видели богов своими глазами, чувствовали их прикосновения и силу. Сложно не уверовать в богов, когда лично их узрел, верно? Хотя, в крови предков Вашей матери есть остаточные явления ассимиляции – такие, как, например, короткий цикл женщин. Так что, как видите, Смутные времена до сих пор аукаются нашему обществу – где-то хорошо, где-то плохо.

- А что случилось с той, другой расой? – уточнил Рэйвен.

- Их больше нет, - пожал плечами Лейкери. – Не скажу точно, в чем была суть, я ведь тогда еще не родился, но знаю, что один из Белых слуг вынимал души из тел по приказу своей госпожи. Души отправлялись на перерождение, а тела обращались в камень. Раса была полностью уничтожена за считанные десятилетия. А в наши тела волей небес были внесены изменения, касающиеся деторождения и особенностей механизма памяти.

Он помолчал немного, а потом вдруг вспомнил:

- Кстати. Есть мнение, что Левенсток относится к изначальному поколению – именно из-за его проблем с памятью. Но сам он, как ты понимаешь, вряд ли расскажет тебе подробности. А я могу лишь предполагать. Предполагать, что

даже если и была у нашего народа возможность иметь общих детей с другими расами, то после Разделения или, как некоторые говорят Очищения, эта возможность была утрачена. Сам подумай: если две расы слились воедино так надежно, что остались лишь их химерные потомки и стерильные старики, зачем бы богам разделять их обратно? Тем более, что часть душ в результате этой операции отправилась на перерождение – трагедия, коснувшаяся почти каждой семьи.

- Но как же: если ты – смертная химера, разве тебе не хочется стать нормальным? – возразил Рэйвен.

- Это имеет смысл, если тебя, как в сказке, превратили в чудовище, а потом расколдовали, - пояснил Лейкери. - Но если ты был рожден чудовищем в семье чудовищ, не осознающих, что они - чудовища, то зачем тебе становиться кем-то еще - к тому же при жизни. А боги прошлись абсолютно по каждому потомку нашей расы, лично выбрав, кем ему быть: смертным, моментально отправляющимся на перерождение, или бессмертным, которому суждено пройти долгую процедуру изменения тела. И попутно они внесли глобальные изменения в наш принцип размножения: до Очищения наш народ был плодовит, как смертные, весь Буйный возраст с последующей постепенной потерей фертильности. После Очищения рождение детей стало возможным в любом возрасте, но само желание их делать стало слабее и шанс на зачатие уменьшился по физиологическим причинам. То есть мы и до изменения не были похожи на смертных, а уж после...

Лейкери покачал головой.

- Мы раса, любимая богами, - уверенно сказал он. - И боги хранят чистоту нашей крови. Не думаю, что нам был оставлен шанс на еще одну ассимиляцию. Если она вообще возможна с прочими перворожденными расами. Эволюция смертных столь велика, что количество накопленных ими с древних времен изменений не дает им смешиваться и с другими смертными. Исключение составляют пары из шаттергранцев и конников с запада – они изначально были одной расой, просто развивались по отдельности. Обратите внимание на поведение этих людей: с их горячностью и страстью, думаете, они ни разу не вступали в связь с другими народами? Не по любви, так путем войны.

Рэйвен непонимающе нахмурился.

- Эмоции смертных так сильны, что порой лишают их разума, и после битвы их воины, гонимые силой желания поскорее овладеть завоеванным, почти всегда овладевают не только вещами, но и людьми - в физическом смысле, - пояснил Лейкери.

- То есть... - начал Рэйвен.

- Путем насилия, разумеется, - кивнул Лейкери. - И коль скоро смертные воюют постоянно и насилуют тоже, в мире должны бегать толпы потомков разных рас. Однако нет даже сказочных историй об этом. Боюсь, брак между смертной и бессмертным бесплоден. Хуже того: он вызовет резонанс в нашем обществе и усложнит подобной паре жизнь. А то и во-

все разлучит. Нет смысла говорить о браке, даже не думайте об этом. Но есть смысл говорить о вас двоих. Нужно определить черту, Рэйвен. Понимаете? Черту, за которую Вам нельзя заходить. А лучше – уехать и попытаться отвлечься. Посмотреть со стороны на происходящее и сделать какие-то выводы.

Молодой человек шумно вздохнул.

- Я не могу перестать об этом думать, - признался он. – Меня лихорадит, и Ваши снадобья не помогают.

- Так тем более вернитесь в Эльдар, - настойчиво повторил Лейкери. – Признайтесь во всем отцу и попросите помощи. У него потрясающие знания в том, что касается репродуктивной системы человека. Он найдет способ пусть не отменить, но хотя бы сгладить влияние Амока. Плюс со временем физиологическая сторона этого явления ослабнет. И лет через сто-двести Вам станет легче.

Рэйвен горько хмыкнул и отрицательно покачал головой.

- То есть, Вы не поедете, - расшифровал это жест доктор.

- Не поеду, - подтвердил молодой лорд. – Не могу. Ее жизнь так скоротечна... Пока мы будем решать, можно ли что-то сделать, Кеттелин просто сгорит. Я хочу быть рядом с ней, даже если... даже когда она выйдет замуж за другого.

Рэйвен неловко умолк и снова закрыл лицо. Ненадолго в Саду повисла тишина.

- Вот как, - задумчиво сказал Лейкери и нахмурился. – Я начинаю бояться Амока. И даже уже почти согласен с Ва-

шим отцом насчет того, что это не чудо, а лишь страшное душевное расстройство.

Он немного подумал. Постучал пальцами по столу и, наконец, сказал:

- Хорошо, я Вас понял. Вы хотите быть с ней. Любой ценой, так?

Рэйвен кивнул, не отнимая рук от лица.

- Вы готовы смириться со страданиями, которые это решение принесет, так? - продолжил доктор.

Рэйвен снова кивнул.

- Ну так будьте, - сказал Лейкери. – Чего киснуть-то?

- Как? – молодой человек, наконец, отнял руки от лица.
– У нее уже есть мужчина. Шаттергранцы не хашиги, у которых на одну Мать бесчисленное множество отцов, и для меня рядом с ней просто не останется места.

- К Вашему сведению, молодой человек, влюбленность смертных длится не более трех лет, - сказал Лейкери. – Даже если сейчас Кеттелин без ума от этого, как Вы его называли, Филина, скоро это пройдет. Физиологическое влечение схлынет, и останутся лишь дружеские связи. И тогда неизвестно, кто из вас двоих будет ей ценнее.

- Но... у них могут быть дети, - пробормотал Рэйвен, покраснев.

- А Вы не любите детей? – Лейкери вопросительно поднял брови.

- Люблю, - подумав, сказал Рэйвен.

- А ЕЕ детей? – многозначительно уточнил доктор. – Беременную и счастливую Кеттелин, милых кудрявых малышей. Будут ли они Вам чужими, если их родит ОНА?

Рэйвен смущенно промолчал.

- Все в этом мире очень относительно, - философски заметил Лейкери. – Черное и белое ищут только те, кто не сумел повзрослеть – люди вроде Вашего отца. Но правильное не бросаться из крайности в крайность, а провести черту и балансировать на ней. Простой вопрос: если б лорд Арык влюбился в Вашу сестру, Вы бы позволили ему коснуться ее руки? Если б она была не против, разумеется.

- Кхм, - Рэйвен кашлянул. – Пожалуй, да.

- А возлечь с ней на ложе? – продолжил доктор.

- Нет, - Рэйвен даже отшатнулся и в ужасе посмотрел на собеседника. – Какая гадость!

- Вот Вам и ответ, - Лейкери развел руками. – Ищите грань между двумя крайностями и балансируйте на ней. Если не понимаете, что можно, а что нельзя, просто подставьте в свою ситуацию других людей, и ответ прояснится сам собой.

- Но я не всегда успеваю проконтролировать свои порывы – сегодняшнее утро мне это продемонстрировало, - признался Рэйвен.

- Честность и искреннее раскаяние помогут Вам, - сказал доктор. – Кеттелин не истеричная дурочка, она поймет. Да и вообще, оставляйте выбор ей, когда чувствуете, что запута-

лись и на здравые решения не способны. Сухое наблюдение предоставьте мне, поиски исцеления - отцу. А сами... наслаждайтесь жизнью, мой юный друг. Я понимаю суть Ваших душевных терзаний. Но погружаясь в них, Вы тратите драгоценное время с Кеттелин. Раз уж решили, то отдайтесь Амоку, насколько это возможно. Потому что позже будут только боль и сожаления. Идите к ней, дышите ею, живите ею. Оставьте страдания старикам.

- Лейкери, Вы специально толкаете меня на безумство? - спросил молодой лорд, неверящим взглядом окидывая своего врача и воспитателя.

- Звучит, как комплимент, - улыбнулся тот. - Хотя вообще-то я просто любитель романтических историй. Сказал бы, что в восторге от происходящего с Вами, но это слишком эгоистично. Я переживаю за Вас, мой мальчик. Рад и немного завидую, но боюсь, как за родного сына.

Он подался вперед и на мгновение сжал плечо молодого лорда. Рэйвен ощутил благодарность за эту поддержку. Хотел что-нибудь ответить, но не сумел подобрать слова и только кивнул. Лейкери кратко улыбнулся.

- Ну, а теперь соберитесь, пожалуйста, - доктор перешел на деловой тон. - Вам пора окончательно принять на себя роль официального посла Эльдара. Обед у Дегеды Мудрого начнется с минуты на минуту.

За обедом Рэйвен был рассеян. Как и ожидалось, Кетте-

лин не явилась, и ее место занял Арык.

- О, так ты живой, - деланно удивился шаттергранец, когда заметил соседа напротив. – А мне сказали, ты расшибся.

«А мне сказали, ты проиграл однорукой девице», - сама собой сформировалась на языке ответная фраза. Но Рэйвен сдержался и вежливо ответил:

- Со мной все в порядке, спасибо за беспокойство.

Арык хмыкнул.

- А третий где? – спросил он, обсасывая утиные ребрышки и пачкаясь в жиру.

- Мой отец сегодня утром отбыл обратно в Эльдар, - все тем же ровным тоном ответил Рэйвен, сдержав желание безглаголиво поморщиться при виде разлетающихся во все стороны от шаттергранца капель соуса.

- А ты че остался? – спросил было Арык, но тут в их разговор вмешался сидевший рядом Дегеда и одернул сына:

- Арык, я же просил тебя обращаться к гостям на «Вы», - напомнил он. – Да и в целом будь повежливее. Ты мой наследник, и я хочу, чтобы ты вел себя соответствующе.

- Наследник-то я, но все важные дела ты отчего-то поручаешь Бени, - огрызнулся тот.

- Если б ты делал их, как она, то тебе бы и поручал, - спокойно сказал Дегеда. – Чем жаловаться, поучился б лучше. Да вот хоть бы и вести себя за столом. Мне стыдно за тебя перед гостями.

- Я веду себя за столом так, как вели себя наши деды и

прадеды, - Арык демонстративно отложил вилку, взял руками утиную голень и откусил большой кусок, а затем добавил с набитым ртом: - Это все Бени тебе голову задурילה со своими этикетами. Сама под эльдарцев прогнулась и нас раком поставить хочет.

- Аррык! – глухо зарычал на сына Дегеда, мечая из глаз молнии.

- А что Арык? Ты бы народ-то послушал, а? – возмутился молодой человек. – Она ж всюду нос сует. Без ее разрешения и поспать нельзя. Люди боятся лишней раз сделку заключить: обязательно Бени узнает и заявится. А чуть что не так – и ты уже труп. Она даже свой отряд не жалеет: одному торговать запретила, второго вообще пришила по-тихому. А ты знаешь, как она расправляется с теми, кто ее беспризорников хоть пальцем трогает? Не знаешь, так поспрашивай на досуге. А те беспризорники по всему городу уже расползлись: и едальни у них, и мастерские, и на купцов они работают, и на скупщиков. Людям страшно, понимаешь?

Арык, и без того говоривший довольно громко, под конец и вовсе начал работать на публику. И публика - пара дюжин прочих гостей – согласно загудела, поддакивая в некоторых местах.

- Бени действует по моему приказу, - нахмурился Дегеда.

- А ты в этом уверен? – сощурился Арык. – Белоголовых подмазывать тоже ты ее наострил? Или все-таки она сама по доброй воле на этого хлыща вчера вешалась?

Он ткнул испачканным в соусе пальцем в сторону Рэйвена.

- Если мы мешаем, то можем уехать хоть сегодня, - ровным голосом ответил тот. – Леди Кеттелин всего лишь показывала мне город и традиции Вашего народа.

- А ты бы вообще помолчал, - огрызнулся на него Арык. – Мы с вашими дел не имеем. Сунетесь – наkostenяем.

- Арык! – снова попытался призвать сына к порядку Дегеда. – Пошел вон из-за стола!

- Ну и пойду, - сказал парень, с шумом выбираясь со своего места. – Все равно мне с белоголовым за одним столом сидеть противно. Лучше воздухом свежим подышу. А то навоняли тут своими бабьими духами – не продохнуть.

Он хрустнул шеей и вышел через главный вход.

- Простите моего сына, лорд Рэйвен: мальчик еще слишком молод, а я редко занимаюсь его воспитанием, - извинился Дегеда.

- Да ничего, я понимаю, - вежливо кивнул Рэйвен. – Позвольте выразить надежду, что однажды он все-таки станет Вашим прекрасным преемником.

- Когда-нибудь станет, в этом нет сомнения, - кивнул Дегеда. – Но хорошо бы перед тем ему успеть повзрослеть. Позвольте откланяться: мне нужно поговорить с сыном.

- Да, разумеется, - Рэйвен привстал, чтобы поклониться в ответ. – Приятного дня.

И Дегеда ушел, оставив эльдарцев наедине с прочими

гостями. Некоторое время за столом продолжали говорить приглушенно. Но затем то один, то другой присутствующие начали повышать голос, и спустя пару минут все уже шумно обсуждали подкинутые Арыком идеи:

- Я эту Вербену вообще боюсь до чертиков, - сказал молодой мужчина с тонким, как будто сплюсненным носом. – Видали, как она Черпака на боях свалила? Одним ударом же. Не зря про нее болтают всякое. Парни бают, что она вообще мужик.

- Что за ерунда? – нахмурился весьма почтенный на вид старик. – Бени у меня на глазах росла: вот такусенькой ее помню.

Он показал руками размеры кролика.

- Красотой особой в детстве не блистала, правда, - продолжил он. – Но и с парнем ее никогда не путали. Это после того случая с Велесом она подурнела. Ну, да это не повод ее грязью поливать. Хорошая девка – работающая, послушная.

- Старшой, ты будто про другого человека говоришь, - поморщился мужчина со сплюсненным носом. – Ты давно ли с ней общался? Вербена не слушает никого, она себе на уме. Даже сам Дегеда с ней постоянно спорит.

- Говорят, она метит на место Арыка, - заметил другой мужчина.

- В смысле? – не понял его сосед.

- Ну, на трон хочет сесть, - пояснил тот. – Вместо Арыка. А может, и отца поторопит место освободить – с нее станется,

знаешь ли.

- Заливаешь! – сказали сразу три голоса.

- Да точно вам говорю – сам слышал, - мужик даже подался вперед.

- Вы бы поменьше уши развешивали, - посоветовал им строгий мужчина в дорогих одеждах. – Дегеда правильно говорит: Арык молодой еще, несет что ни попадя. А леди Кеттелин еще ни одного без дела не обидела. Вот за провинность наказать – это другое дело: за ней не заржавеет. Ну так разве не затем Дегеда ее в город вместо себя гоняет? Но однако ж поглядите: наследником Арыка оставил. Так в чем проблема? Лично меня все устраивает.

- Ну Вы, господин Сурок, человек уважаемый, - заискивающе сказал ему сосед в жилетке без пуговиц. - К Вам она не заявится. А прочие ее, как огня боятся.

- А я тоже на стороне леди Кеттелин, - подал голос еще один мужик с другого края стола. – Так и надо с ними. А то расплодили, понимаешь, нахлебников. Кеттелин всех построит. И ежели Дегеда захочет ее на трон посадить, так я руками и ногами за. Еще б ей мужа нормального, и вообще хорошо будет. А Арык, может, парень и умный, да шебутной больно. С таким в набег хорошо или на охоту. А на троне-то что ему делать?

- Вот и я думаю: ежели что с Дегедой случится, Арыка быстренько Росомахи приберут. Или Кривые ножи, - вмешался в разговор старик с белой бородой. - И будем мы под

ними ходить, спину гнуть. Не, мужики. Вы как хотите, а по мне, так леди Кеттелин надо регентом ставить. Есть у конников такая должность: умный человек при молодом князе, который от его имени страной правит, пока князь не повзростает.

- Это самая дурная идея, которую я слышал, - отозвался человек в жилетке. – Ежели ее регентом поставить, как потом от трона отваживать? Да и Арык, чай, не мальчик уже. Каково ему под бабой ходить? Позор ведь.

И они все продолжали и продолжали обсуждать разные варианты будущего (и настоящего) страны, но в какой-то момент Рэйвен, не желая слушать сплетни, отвернулся, чтобы посмотреть в окно, и заметил там черноволосую голову девушки. Та, поняв, что он на нее смотрит, стала активно махать рукой, призывая выйти. Рэйвен и Лэйкери переглянулись, и доктор пожал плечами: мол, Вам решать.

Рэйвен встал и, извинившись, стал пробираться к выходу. Впрочем, его уход мало кого заинтересовал: в отличие от Арыка, прочие трапезничающие предпочитали эльдарцев просто игнорировать.

Глава 3.

- Дайте угадаю: они там меня грязью поливают, - сказала Кеттелин, стоило ему только выйти под яркое солнце и очутиться рядом с ней.

- Так Вы знаете? – удивился Рэйвен.

- Разумеется, - фыркнула девушка. – У меня на каждой улице свои «уши», а уж в доме и подавно. Это мой город, я здесь хозяйка.

- Боюсь, не все так считают, - осторожно начал Рэйвен. – Мне кажется, Вам следует быть осторожнее: вдруг они решат от Вас избавиться?

- Избавятся, конечно. Однажды, - беспечно согласилась Кеттелин. – Но будем надеяться, что это случится путем моего естественного исхода. В любом случае бояться следует не этих пустозвонов: пусть болтают, что хотят, пока не подстрекают к бунту. Самые страшные личности прячутся в тени. Вот если б понять, кому я такому сильному дорожку перешла, что меня уже который месяц чехвостят и в хвост, и в гриву... Но увы, пока для этого недостаточно сведений. Кто-то определенно ведет против меня войну и уже довольно давно. А Вы только сейчас поняли, с кем связались? Бойтесь, милорд: я страшная, злобная, мстительная и... что там про меня еще говорят? Ах, да – вездесущая, аки богиня.

Она весело рассмеялась, на мгновение запрокинув голову

– определенно, сегодня Кеттелин была в прекрасном настроении. Пожалуй, Рэйвен ее такой еще никогда не видел. И все это благодаря одному человеку. Но не ему.

- Солнце мое, так ты идешь или нет? – сквозь живую изгородь просунулся тот, кого Рэйвен видел утром. Рубахи на нем не было, она была заткнута за пояс, а волосы перетягивала лента, которую совсем недавно он видел на Кеттелин. Рэйвен ощутил, как в нем просыпается ревность и звериная ярость. Даже темные точки перед глазами появились.

- Я хочу взять его с собой, - сказала Кеттелин, беспечным жестом указав на эльдарца и не заметив изменений в его состоянии.

- Белоголового? – не поверил своим ушам шаттергранец и окинул спорный объект любопытным взглядом. Рэйвен почувствовал себя товаром на аукционе.

- Он свой в доску, - заявила Кеттелин, собственнически обхватив Рэйвена за плечи и еще больше усилив впечатление торгов. Желание убивать одномоментно перековалось в желание прижать ее к стене дома. Рэйвен сглотнул произвольно набежавшую слюну.

- Ну, тебе виднее, - пожал мускулистыми плечами человек по имени Филин. – А нам за это ничего не будет?

- Ты так говоришь, как будто мы не на реку собираемся, а как минимум политический переворот задумали, - хмыкнула девушка.

- Не, ну он же... богорожденный, или как это называется,

- попытался объяснить свои сомнения шаттергронец, косясь на Рэйвена из-под бровей. – Испачкается еще или на солнце обгорит, а нам потом твой отец за это вставит по самое не хочу.

- Филин, куку: он, вообще-то, взрослый человек и сам может решать, хочет или нет куда-то идти. Наше дело предложить. Лорд Рэйвен, пойдете с нами и с конниками на реку?

Она вопросительно глянула на эльдарца.

- С конниками? – переспросил тот, пересилив детское желание бросить в черные глаза мужчины песком, которым были посыпаны дорожки, чтобы тот не пялился на его Кеттелин. – Это раса, которая к западу от вас живет?

- К юго-западу, - поправила девушка. – Их отряд воевал на нашей стороне в последней стычке – я их наняла, чтобы до сенокоса управиться. Вот только вернулись – за наградой и покутить немного в городе перед возвращением.

- Классные ребята, - подтвердил шаттергронец. – Они меня спасли, когда я, раненный, свалился с обрыва в реку. Выбраться сам не мог, думал – все, кровью истеку и привет, прадедушка.

Он кивнул на еще не до конца зажившую рану на своем боку.

- Мог бы, кстати, хоть весточку подать, что ты с конниками зажигаешь, - укорила его Кеттелин. – Я думала, ты погиб.

- Ну, мне сначала не до того было, - покаялся Филин. – Лихорадка, знаешь ли, как-то не способствует общению. А

потом я решил сделать тебе сюрприз.

- Сюрприз удался, - подтвердила девушка. – Но лучше бы ты поберег мои нервы и прислал письмецо. Ну так что, Вы идете с нами, лорд Рэйвен?

Она снова развернулась к эльдарцу, глядя на него, как ни в чем не бывало. На ее щеках играли солнечные блики, отраженные дешевым стеклом окон, а ветер трепал выбившиеся из узла пряди волос. Рэйвен тоскливо посмотрел на нее будто сквозь невидимую стену, которая разделила их в момент появления этого... Филина. Вроде бы, ничего не изменилось, и она все так же стояла рядом, но была теперь недосягаемо далека.

- Я все еще не совсем понял, куда и зачем, - осторожно сказал он, пытаясь не выдать своих эмоций. – И не буду ли я там лишним.

- Друзья лишними не бывают, - заявила Кеттелин. – А насчет «куда и зачем»... Мы идем купать коней. А потом будем жечь костер и жарить картошку.

Шаттергранец поднял увесистый мешок, иллюстрируя слова подруги. Мешок подозрительно булькнул. Мужчина подмигнул Рэйвену. Эльдарец через силу улыбнулся ему.

- Идемте, будет весело, - Кеттелин потянула его за рукав. Рэйвен же ощутил в себе противоборствующие желания: одна его половина желала следовать за ней куда угодно, другая хотела побеседовать с этим Филином – не важно, о чем и как, лишь бы тот больше не подходил к девушке. А лучше –

придушить соперника прямо сейчас.

Рэйвен сжал кулаки так сильно, что ногти врезались в кожу и в глазах потемнело.

- А мне с вами можно? – неожиданно раздался за его спиной голос Лейкери, вырывая Рэйвена из секундного забытья. – Молодость вспомнить.

Доктор подмигнул шаттергранцу. Тот недоуменно поднял брови при слове «молодость», ведь Лейкери выглядел, как его ровесник, если не моложе, но спохватился, кто перед ним, и хмыкнул.

- Конечно, - сказала Кеттелин, вполне искренне обрадовавшись этому предложению. – Чем больше народу, тем веселее. Погодка сегодня – огонь!

- Огонь! – восторженно повторил Лейкери, похоже, вписав это словечко в свою коллекцию неофициальной лексики. – Только подождите немного – я возьму лосьон от солнца. И чего-нибудь увеселительного.

- А говорят, белоголовые – снобы, - хмыкнул Филин.

- Хах! – отозвался доктор. – Да я гулял на этих землях, когда ты еще не родился!

Кеттелин взорвалась смехом. Рэйвен перевел взгляд с одного на другого, посмотрел на хохочущую над ними Кеттелин и почувствовал себя унылым стариком.

Конники называли себя унагийцами. Это оказались рос-

лые смуглые люди с белозубыми улыбками и горячим нравом. Рэйвен увидел их еще когда они с Кеттелин пошли на конюшни: мужчины были верхом, но без седел, их было видно издалека. А еще на них почти не было одежды. Собравшиеся со всего двора девицы заполонили все возможные места для просмотра и зубоскалили напропалую, заигрывая с мускулистыми красавцами. Те отвечали тем же. Рэйвен уже понял, каким является идеал мужчины в этой стране, и гости с юга вполне ему соответствовали.

- Вы чего так долго? – спросил один из них, когда Кеттелин со своим небольшим отрядом выехала из ворот конюшни: так же без седла. А еще без рубахи, в спущенных на бедра бесформенных штанах и с голыми пятками.

- Я ж все-таки девица, - ухмыльнулась она. – Мне прости-тельно долго собираться.

- Девица она, посмотрите на нее, - рассмеялся конник, сверкая зубами. – И в каком месте ты принарядилась?

- В таком, которое приличные девушки всем подряд не показывают, - ответила ему Кеттелин такой же зубастой улыбкой.

- М-м-м, - конник поиграл бровями, а потом рассмеялся, подъехал ближе и сказал:

- Привет, Красава.

- Привет, Хайсин. Сто лет не виделись, - Кеттелин подалась вперед, и они пожали друг другу руки. – Ах да, познакомься: это лорд Рэйвен из дома Лаард – посол Эльдара.

Лорд Рэйвен, это Хайсин Седьмой – младший сын князя Байши. Он тоже официальный представитель – от унагийцев.

- Приятно познакомиться, - Рэйвен склонил голову.

- И мне, - ответил унагиец, с интересом его разглядывая.
– Впервые встречаю живого эльдарца. Хотя мертвых я тоже ни разу не видел – уж больно вы далеко живете. Как оно там на севере? Правда, что белые медведи по улицам ходят?

- Нет, - осторожно сказал Рэйвен, пытаясь понять, дружеская шутка это или едкая острота. – Полярные медведи обитают севернее. У нас климат почти такой же, как в Шаттерране, только зимы чуть подольше. Белым медведям у нас жарковато.

- Ясно, - кивнул унагиец. – Я зимы не люблю. Не понимаю, как можно выживать, когда по полгода свежей травы не дожидаться. Чем лошадей-то кормить? Трухой сушеной? Ладно, идемте уже на реку. Лошади застоялись.

Он развернул своего коня, и оба отряда двинулись в сторону врат. Воздух наполнился крепчающим зноем, перестуком копыт, разговорами и смехом. Люди улыбались, предвкушая хороший денек, махали рукой старым друзьям. И в этой пышущей жизнью и молодостью массе чужих тел Рэйвен еще острее почувствовал себя старым и бесконечно одиноким.

- Рэй, все нормально? – негромко спросила Кеттелин, коснувшись его колена – до других частей тела она со своей лошади не дотянулась.

- Да, все хорошо, - ровным голосом сказал он и приме-

нил все свое искусство этикета, чтобы просто вежливо улыбнуться ей. Кеттелин поверила. Или сделала вид, что поверила, но тоже улыбнулась в ответ, отвернулась, надала кобыле босыми пятками и с боевым кличем вырвалась вперед. Клич был подхвачен, люди оживились, и вся конно-людская масса устремилась к северным воротам. Женщины на улицах взвизгивали и рывком выхватывали детей из-под копыт, мужчины приветствовали гостей улюлюканьем или матом, если те задевали неудачно поставленную телегу с товаром, а то и вынуждали спешно отбежать с дороги.

Из города они вырвались на такой скорости, будто преследовали кого-то. У некоторых лошадей даже пена появилась в уголках рта. Глаза унагийцев горели огнем, загорелые тела блестели от пота. Рэйвен отстал, прекрасно осознавая, что ему нечего делать на этом празднике жизни. Лейкери, вырвавшийся было вперед, заметил это и притормозил лошадь, так что когда отряд достиг реки и на полной скорости ворвался в воду, два эльдарца лишь спокойно подъехали к берегу и спешились, наблюдая за странным зрелищем.

- Я, кажется, велел Вам наслаждаться жизнью, а не страдать в одиночестве, - сказал Лейкери, расседывая свою лошадь.

- Я наслаждаюсь, - ответил Рэйвен с тоской глядя на Кеттелин. Филин безостановочно брызгал на нее водой, а девушка смеялась, закрываясь от него руками и не пытаясь бороться. Хайсин ущипнул ее за мокрый бок, Кеттелин взвизгнула

и, смеясь, ухнула с лошади в воду. Вынырнула и обматерила обоих, не переставая посмеиваться. Филин наклонился – она протянула ему руки. Шаттергранец вынул девушку из реки и усадил на лошадь перед собой, крепко обняв. Мокрые одежды облепили их тела.

- Это какое-то извращенное наслаждение, - нахмурился Лейкери, проследив направление взгляда подопечного. – Держите лосьон от солнца.

Рэйвен отвернулся от зрелища конско-людского месива, поймал флакон и привычно начал увлажнять уже слегка горящую кожу. Лейкери расседлал лошадей, хлопнул их по крупам, и обе кобылы самостоятельно умчались в воду – следом за общим табуном.

Жара усиливалась, лето вступило в свои владения. Солнце яростно пекло, в небе не было ни намека на облака. Обычно в такую погоду Рэйвен прятался в помещении, и теперь с непривычки медленно, но верно перегревался. Он присел на травяной холмик, вынул из кармана платок и положил себе на голову, чтобы хотя бы не схлопотать солнечный удар.

- А! – неожиданно раздалось за его спиной, и к шее с обеих сторон прилепились ледяные и мокрые ладони.

- А! – тоже заорал от неожиданности и дичайшего контраста эльдарец, подскакивая с земли. Кеттелин звонко расхохоталась над своей шуткой.

- У меня чуть сердце не остановилось, - попенял ей Рэйвен, схватившись за грудь – сердце действительно стучало

как бешеное. – Не делайте так больше, пожалуйста.

- Ой, ну ты и зануда, - отмахнулась Кеттелин – мокрая с ног до головы. – Чего купаться не идешь? Жарко же, перегреешься.

- Я не могу... обнажать тело на людях, - смутился Рэйвен, оглядев ее загорелую кожу – всю в мелких капельках воды.

- А ваш доктор может, - Кеттелин кивнула куда-то за его плечо. Рэйвен обернулся и действительно увидел, как Лейкери, уже избавившийся от жилета и сорочки, спускает штаны.

- Ты что, стесняешься? – понизив голос, спросила Кеттелин с озорными огоньками в глазах. – Наврал, поди, про ваши обычаи.

Рэйвен покраснел – и от того, что действительно не готов был раздеться у всех на виду, и от близости ее полуодетого тела, и от панибратского тона, на который перешла девушка.

- Лейкери, он... особенный, - попытался объяснить Рэйвен происходящее, мысленно костеря доктора, на чем свет держится. – Романтик и любитель всего нового.

- А Вы не романтик? – прищурилась Кеттелин, беспечно и легко переключаясь обратно на вежливое обращение. – Идемте. Не можете раздеться, так купайтесь в одежде – кто Вам запретит?

Она взяла его за руку. Кожа девушки была полна речной прохлады. Рэйвен понял, что если она потянет его за собой, сопротивляться он не сможет. И она потянула. Рэйвен гля-

нул на мутную реку с плывущими по ней кусками тины и ила, покосился на собственный белоснежный рукав. Тобиан его за такое издевательство над одеждой убьет. Да и возвращаться потом в посеревшей и липнущей к телу рубашке, а потом еще и сушить ее на себе...

- Вода грязная, - все же попытался последний раз отказаться он, чувствуя себя капризной девочкой.

- Вы можете искупаться выше по течению, - пожала плечами Кеттелин. – Там немного чище – ил не потревоженный. Идемте, я покажу Вам удобный спуск.

- А-а-а! – раздалось за их спинами, и Лейкери на полной скорости влетел в воду, подняв гору брызг. Его грязная вода нисколько не смутила, он решил проблему простейшим методом: разделся донага. Рэйвен ощутил неловкость за своего врача. Но Кеттелин улыбнулась: ее этот эпизод только повеселил.

- Я, пожалуй, все-таки немного разденусь, - пробормотал он.

- Да, конечно, я подожду Вас, - Кеттелин отпустила его руку. Рэйвен непослушными пальцами начал расстегивать пуговицы жилета. Не то, чтобы он не умел раздеваться самостоятельно, но спокойный взгляд девушки, даже не подумавшей отвернуться, несколько усложнял процесс.

- А Вы хорошо сложены, - сказала Кеттелин, когда он стянул жилет и сорочку и неловко принялся выбираться из бридж.

- Зачем Вы мне льстите? - снова покраснел он, поняв, что девушка не просто смотрела, а разглядывала и оценивала. – Унагийцы сложены куда лучше.

- По меркам унагийцев – да, - пожала плечами Кеттелин. – Но вкусы бывают разные. Идемте.

Она развернулась и пружинящим шагом двинулась к поросшей травой части берега выше по течению. Рэйвен, оставшийся в одном исподнем, поспешил за ней следом, гадая, как ему трактовать эти слова, и украдкой окидывая взглядом фигуру Кеттелин. Ему вдруг подумалось, что ей очень подходит это имя. Кеттелин – будто перезвон маленьких колокольчиков. И оно отдавало чем-то родным, эльдарским. Хотя откуда бы в Шаттергране эльдарские имена? Пусть даже и в форме прозвищ.

- Вот здесь удобный спуск, - сказала Кеттелин, пробираясь между травяных холмиков. Под невысоким обрывом оказалась песчаная полоса шириной от силы в полсажени – крошечный пляж, намытый изгибом реки.

Рэйвен спустился и осторожно тронул ногой воду. Вздрыгнул – разгоряченному телу вода показалась ледяной. Кеттелин же смело вошла в реку и спустя сажень оказалась по горло в воде – похоже, здесь было довольно глубоко. Рэйвен же побоялся бежать в воду подобно Лейкери – уж больно она оказалась холодной. Медленно-медленно он принялся погружаться, ежась и пытаясь выровнять дыхание... пока его не обрызгали под аккомпанемент звонкого хохота. Рэй-

вен охнул от этой ледяной атаки и с ног до головы покрылся мурашками. Сердце снова принялось биться в груди подобно огромному маятнику.

- Жестоко, - выдохнул он. Кеттелин хихикнула и еще пару раз брызнула на него, но это было уже не так шокирующее, как в первый раз.

- Заходите уже в воду, - она сделала приглашающий жест. – Что Вы сегодня как неродной? Что-то случилось? Поругались с отцом?

- Угу, - кивнул Рэйвен, ведь отчасти ее предположение было правдой.

- Так он поэтому уехал? – спросила Кеттелин. – Наверное, сильно позвдорили.

Рэйвен только вздохнул. Она сочувственно покивала, при этом моментально забыв о собственной хулиганской выходке, будто обливать людей холодной водой – это в порядке вещей. Рэйвен, у которого уже не осталось выбора, зашел поглубже и окунулся. Однако, вода все же была слишком холодной, и он непроизвольно попытался из нее выйти, но пересилил себя и пошел по дну к девушке, погрузившейся уже по подбородок. Спуск был крутым, а течение сильным, и при каждом шаге река уносила потревоженный им песок и ил, создавая ощущение, будто он бредет по зыбучим пескам. Вода сильно пахла тиной и лягушками. И что шаттергранцы в этом находят? Холодно, грязно, брр.

- Правда, здесь хорошо? – спросила девушка, не подозре-

вая о его мыслях. – Чем-то напоминает море с картинок старых книг. Эх, как бы я хотела посмотреть на настоящее Море...

Она мечтательно прикрыла глаза, но течение вымыло из-под нее песок, девушка потеряла равновесие и слегка окунулась в воду, что, видно, вывело ее из задумчивости. Вынырнула и принялась отфыркиваться, как кошка.

- Море нынче недоступно, - сказал Рэйвен, чтобы поддержать беседу. – Купцы рассказывали, русалки опять лютуют и никого не пускают в свою гавань, а та часть моря, которая соседствует с пустыней кварков Вас вряд ли заинтересует: на их побережье слишком плохо с пресной водой, едой, да и защиты от солнца не найти.

- Да, я тоже об этом слышала, - кивнула Кеттелин. – Но помечтать-то можно? Кстати, мне казалось, с севера тоже есть доступ к морю – где-то к востоку от Эльдара.

- Мы туда не ходим, - покачал головой Рэйвен. – Это место негласно считается запретным.

- Почему? – удивилась Кеттелин.

- Не знаю, никогда не интересовался, - Рэйвен пожал плечами, случайно подняв небольшую волну – он зашел в воду уже достаточно глубоко. – Там происходило что-то странное несколько столетий назад: то ли битва магов, то ли какой-то магический катаклизм. Говорят, там все еще водятся чудовища Смутных времен.

- И Вы ни разу не съездили поглядеть? – удивилась Кет-

телин.

- Я же говорю: место считается запретным, - напомнил Рэйвен. – Там очень опасно.

- Эльдарцы, вы зануды, - рассмеялась девушка. – Наши на вашем месте давно бы уже устроили охоту на чудовищ – просто, чтобы удаль молодецкую показать да храбрость попытать. Кстати, как водичка?

- Холодная, - признался Рэйвен. – Не могу сказать, что мне нравится.

- Вы сейчас привыкнете, - заверила его девушка. – Хотите сплавать до другого берега?

- Я... не умею плавать, - признался Рэйвен. – Я вообще впервые в открытом водоеме.

- Серьезно? – не поверила Кеттелин. – За восемьдесят лет не научились плавать?

- Да как-то не было нужды, - пожал он плечами, чувствуя, что действительно привыкает к температуре воды.

- Хотите, я Вас поучу? – предложила Кеттелин, приблизившись к нему и протянув руки. – Вот, хватайтесь.

- Да не нужно, - попытался отказаться Рэйвен. – Думаю, я уже староват для обучения подобным навыкам.

- А кто говорил, что только недавно стал совершеннолетним? – напомнила девушка. – Или опять слукавили?

Она прищурилась на него с изрядной долей хитринки во взгляде.

«Что ты со мной делаешь?» - подумал Рэйвен, заглядывая

в эти развеселые глаза и будто под гипнозом протягивая ей руки. Кожа Кеттелин оставалась теплой даже в такой холодной воде. Рэйвен коснулся ее... и отступил, увидев, как издалека к ним плывет против течения Филин.

- Извините, я чувствую себя неловко, - сказал Рэйвен, подавшись назад. – Идите к друзьям, повеселитесь с ними. А я немного остыну и буду выходить. Все-таки это не мое.

- Ну, как скажете, - немного разочарованно ответила Кеттелин. – Увидимся на берегу.

Она развернулась, оттолкнулась ногами от дна, и течение само понесло ее вниз – к Филину и шумной компании. Рэйвен вздохнул, провожая взглядом чужую женщину.

Глава 4.

Коней чистили и купали долго – Рэйвен успел трижды перегреться на солнце и трижды охладиться в реке. Когда табун отпустили пастись на луг, солнце уже стало клониться к закату, и унагийцы разбили что-то вроде походного лагеря на берегу. Они так и остались полуголыми, а вот Рэйвен и даже Лейкери все-таки оделись: одно дело в реке нагишом купаться, и совсем другое – у костра сидеть. Тем более, что солнце давно уже не стояло в зените, впереди был вечер, а там и до комариных стай недалеко – вот уж кого точно не хотелось встречать обнаженной кожей.

Костров было целых три. У одного расселись мужчины постарше, у другого – напротив, помоложе, а у третьего, по всей видимости, собрались друзья и приближенные Хайсина. Эльдарцев тоже любезно пригласили за этот костер, хотя знакомство двух послов было весьма поверхностным.

- ... едешь ты, значит, по этим холмам да по норам, а из-под земли – хватать! – рука мертвеца... - вещал Хайсин, помешивая что-то в котелке. Он оказался мастером рассказывать истории, и все они были по большей части жуткими, но народ вокруг отчего-то хохотал. Кеттелин тоже смеялась и время от времени склоняла голову на плечо Филина. Тот не глядя поглаживал ее, полностью поглощенный историей. Черные гладкие волосы девушки после купания слегка рас-

пушились и стали волнистыми, но в мелкие завитки, как у прочих смертных, все равно не скрутились. Рэйвен сидел совсем рядом и отчетливо видел, как грубая мужская ладонь оглаживает их, и волосы цепляются за сухую шелушащуюся кожу...

- Эй, осторожнее, – зашипел Лейкери, когда его подопечный вместо того, чтобы воспользоваться лосьоном после загара непроизвольно пролил половину на землю. Рэйвен тряхнул головой и бездумно извинился.

Доктор тоже поглядел на Кеттелин, сидящую на коленях Филина, и вздохнул.

- Может, хотите уйти? – предложил он подопечному тихо, чтобы девушка не услышала.

- Нет, - едва заметно помотал головой Рэйвен, стряхивая наваждение.

- Ну, дело Ваше, конечно, - пожал плечами доктор.

- ... а потом он как – Бац! – и раскрошил ему голову, - продолжал вещать Хайсин. – Да мертвец не будь дурак, взял, да и лошадиный череп себе на шею нахлобучил. И давай, значит, моего деда по полям гонять. Гонял-гонял, гонял-гонял. Ну да вы моего деда знаете – такого не загонять. Вот так до самого рассвета они и бегали. А на рассвете все колдовство и рассыпалось.

- Или он просто взял и протрезвел, - высказала Кеттелин более рациональное предположение.

- Не отрицаю такой вариант, - кивнул Хайсин, сверкнув

зубами. – Дед мой тот еще любитель напиваться до призрачных козликов. Кстати об этом. Кому наливать?

- Мне! Мне! – понеслось со всех сторон. Мужчины принялись вынимать из сумок рога и походные чарки. Рэйвену тоже налили. То, что Хайсин варил в котле, оказалось вовсе не едой, а алкогольным напитком с пряным запахом.

- А это моей Красаве, - широко улыбнулся унагиец, подавая Кеттелин полную чарку и сядя рядом – между ней и Рэйвеном, как раз в том пустом пространстве, что эльдарец удерживал между собой и девушкой, чтобы не оказаться к ней слишком близко.

- Когда ты уже забудешь это прозвище? – поморщилась Кеттелин.

- Когда ты станешь нормальной бабой, - хмыкнул Хайсин в свою чарку. – Страшная ведь, как смерть.

- Уже давно не смешно, - безразлично сказала девушка.

- Не, ну а что? – подал голос и Филин. – Хайсин дело говорит. Я тебе столько платьев надарил, а ты не носишь.

- Да куда мне их носить-то? – возмутилась девушка.

- А хоть бы и завтра на свадьбу сестры надела, - пожал плечами Филин, а Кеттелин закатила глаза.

- Хых! – фыркнул Хайсин. – ТАКОЕ платьем не прикроешь. И даже бусами не приукрасишь.

- А вот это было обидно, - нисколько не обидевшись на самом деле, хмыкнула девушка. – И вообще, Хайсин, неужто ты думаешь, что красота во внешности?

- Ой, вот только не надо тут про внутренний мир, - отмахнулся унагиец. – Это ты вон с эльдарцами такие речи веда. Ежели баба на скелет похожа и рожей такова, будто с коня свалилась да на веревке за ним по полю тащилась, то такое никакими сладкими речами не исправить.

- Нарываешься, Хайсин, - прищурилась Кеттелин, все еще не проявляя недовольства, из чего Рэйвен заключил, что подобное общение между этими двумя – в порядке вещей. – Ты не смотри, что мы друзья, я ведь и обидеться могу. Или соблазнить тебя, а потом отказать, чтоб неповадно было.

- Соблазнить?! Ты? Меня? – Хайсин громогласно расхохотался. Прочие унагийцы из тех, кто слышал разговор, присоединились к нему, тыча в Кеттелин пальцем. Рэйвен ощутил, как в нем ни с того ни с сего вскипает ярость и желание избить весельчаков, хотя без всяких пророчеств было ясно, что против такой воинской массы он и мгновения не продержится. Да и вообще, желание было настолько неуместным, что Рэйвен без подсказок Лейкери понял, что причиной тому – Амок. И что следует успокоиться и не вступать в дружеские беседы.

- Кобылу свою съем, если однажды такое случится, - тем временем заявил Хайсин, имея в виду свое соблазнение Кеттелин.

- Ты б не бросался громкими заявлениями, - посоветовала девушка. – Не ровен час придется съесть. А кобыла-то добрая. Твое здоровье!

- Твое здоровье, шутница!

Они чокнулись.

- Я так-то тоже хочу выпить, - проворчал Филин.

- Пей, кто тебе мешает? – спросила Кеттелин, отпив из своей пиалы и протянув ее назад – в предположительную область нахождения рта Филина.

- Ты, вообще-то, - заявил тот, отказываясь от предложения: пиала у него была своя. – Слезь с меня, что ли: боюсь облить.

- Ну вот, прогоняют девушку с насиженного места, - дурашливо надулась Кеттелин, но с колен мужчины встала. Тот потянулся со стоном наслаждения, показывая, как сильно она отсидела ему конечности. Кеттелин хмыкнула и прищурилась, делая вид, что желает испепелить друга взглядом. Но тот и бровью не повел: откинулся назад, вытянул ноги и принялся пить свою порцию.

- Ну и злые же вы, - заявила девушка. – Уйду от вас к лорду Рэйвену.

Она вздернула нос, сделала пару шагов и демонстративно уселась между двумя эльдарцами: дистанция, которую этикет требовал соблюдать, как раз равнялась ширине ее бедер. Лейкери смущенно кашлянул и отодвинулся. Рэйвену же отодвигаться было некуда: он оказался зажат между Кеттелин и Хайсином. И соседство было очень странным.

- Хайсин, скажи: а как мой брат на юге справился? – отбросив всякую дурашливость, вдруг спросила Кеттелин,

чуть подавшись вперед, чтобы не говорить сквозь голову Рэйвена. Рэйвен же подался назад, чувствуя себя предметом мебели, который еще и мешает.

- А то ты не знаешь, - хмыкнул унагиец. – Твой брат хороший воин.

- Ага. Сила есть, ума не надо, - кивнула Кеттелин и поморщилась, будто недозревшей черемухи наелась. – Знаю я, какой он воин. Ты мне скажи, какой из него военачальник.

- Да как сказать... - задумался Хайсин. – Потренировать бы тебе его еще немного. Молодой очень. Хочет многого, да опыта нет: думает, что раз он главный, то все его слушаться должны. Никакого понятия. Хотя старания через край и вроде как даже умных советчиков завел.

Хайсин замолк и вдруг расплылся в хищной улыбке, что-то припомнив.

- Дай угадаю: ты ему пару уроков преподавал, - хмыкнула Кеттелин, оценив это выражение лица.

- А то! – отозвался Хайсин. – Не люблю выскочек. Мне платила ты. От имени своего отца. И мы за вас двоих честно цену отработали. А подчиняться выскочке, пусть и сыну Дегеды, ты уж извини, я не обещал.

Хайсин расплылся в шутовской ухмылке.

- Представляю, как Арык бесился, - сказала Кеттелин, и прикрыла глаза, воображая эту картину. – Ну, ничего, ему полезно.

- Ты это... - Хайсин вдруг покосился на Рэйвена, сидяще-

го между ними и старательно делающего вид, что ничего не происходит, но все-таки сказал: - поосторожнее бы. После того, как мы с Арыком поцапались, он мой отряд поделил немного и по своим распределил, и это меня на некоторые мысли навело...

- Ну и что? – не поняла Кеттелин. – Я тоже так делала пару раз. Вы, унагийцы, когда кучей, чудите уж больно много.

- Да я не том, - отмахнулся Хайсин. – Когда мы с вашими ребятами тесно начали работать, то я кое-что заметил. Понимаешь... Недружно в вашей армии. Течения там неприятные. Все как-то кучкуются. Некоторые косятся друг на друга. Вечно какие-то шепотки и замолкания. Вроде ничего такого очень уж возмутительного, за что плетей надо бы высыпать. Но... не бывает такого в хорошие времена, понимаешь? Так перед переворотами бывает, когда много претендентов на трон, и люди не знают, к кому прибиться, чтобы выжить.

- А, вот ты о чем, - сообразила девушка, тоже покосившись на Рэйвена, отчего тот почувствовал себя вдвойне лишним. – Да я знаю уже. Спасибо, что переживаешь.

- Ты, Красава, не стесняйся: если что, мы за тебя встанем, - заверил ее Хайсин. – Не бесплатно, конечно, сама понимаешь. Но за другими не пойдем хоть за все золото мира. Хотя, золото – это хорошо, золото мы любим. Если вдруг понадобится переворот остановить или там бунтовщиков по лесам переловить – мы к твоим услугам. Недорого по старой памяти.

- У меня пока с деньгами туго, - призналась Кеттелин. – Но буду иметь в виду, спасибо.

- Тогда давайте выпьем за золото: чтобы оно всегда появлялось вовремя, - предложил Хайсин, и тут же, не дожидаясь согласия, чокнулся с чарками Кеттелин и Рэйвена.

- Вот, кстати, лорд Рэйвен, мотайте на ус, - сказала девушка, обратившись к эльдарцу. – Если вдруг вам однажды понадобится защита от Шаттерграна, унагийцы всегда рады будут организовать моей стране от Вашего имени второй фронт за умеренную плату. Верно, Хайсин?

- Только не против Кеттелин, - поднял тот палец, подмигнув Рэйвену. – Считай это сентиментальностью вояки, но Красава мне когда-то жизнь спасла. Мы с ней за тот случай давно рассчитались, но сам понимаешь: воевать друг против друга не будем. Вот после ее или моей смерти – пожалуйста. Там будет уже все равно.

- Нам нечего делить со смертными, - смущенно улыбнулся Рэйвен такому предложению. – Так что, боюсь, подобное предложение моего отца вряд ли заинтересует.

- Со смертными может и нечего. Ну да вдруг с бессмертными что поделите? - пожал плечами Хайсин. – Красава правду говорит: у нас всегда есть ребята, которых можно нанять. Вы, главное, платите щедрее, а за нами уж не заржавеет. Ну и будьте готовы, что после стычки мы придем в ваш город немного покутить. Традиция у нас такая – пировать у победителей.

Он подмигнул Рэйвену, будто они тоже были старыми друзьями и широко улыбнулся. Белые зубы странно смотрелись в обрамлении кудрявых завитков, которыми густо обросла нижняя половина лица унагийца.

- Извините: мы мирный народ, - вежливо, но твердо сказал Рэйвен, не желая ни обижать воина, ни соглашаться на предложение, противоречащее основным идеям политики Эльдара.

- Так тем более, - пожал плечами Хайсин. – У всякого мирного народа должен быть в запасе агрессивный союзник. Чтобы прочим неповадно было. Так вот, если что, унагийцы готовы этим союзником стать.

- Хорошо, буду иметь в виду, - ответил Рэйвен словами Кеттелин, поняв, что иначе остановить эти вежливые, но настырные уговоры не получится. И действительно: Хайсин сразу отстал и снова принялся травить жуткие и жутко смешные байки.

Ближе к сумеркам компания отдыхающих ощутило пополнилась: со стороны города к ним присоединились девушки, со стороны реки – комары. Большая часть девиц явилась не с пустыми руками, и костры быстро укомплектовались накрытыми скатертями. Наконец-то прогорели первые поленья, и привезенный с собой картофель уже томился среди горячих углей. Снова произошла ротация, и двое эльдарцев остались по эту сторону костра одни. Но ненадолго: Лейке-

ри, оказывается, прихватил с собой целый арсенал средств от кровососущих тварей, и начал пользоваться популярностью. К нему и Рэйвену даже подсели три любопытных девицы, да так и остались, строя глазки и время от времени задавая на редкость странные вопросы, вроде: «А правда, что у Вас волосы между ног не растут?» или «Расскажите, как стать бессмертной?» Если бы что-то подобное спрашивала Кеттелин, почти наверняка за этим последовала бы интереснейшая беседа. Но увы, ее соплеменницы задавали вопросы невпопад, без особой цели, и никакой беседы не выходило. Впрочем, их это не особенно беспокоило: похоже, девушек развлекал уже сам факт нахождения рядом с иноземцами.

Это соседство тяготило Рэйвена. Умом он понимал, что девушки ни в чем не виноваты, и что на примере этих девиц традиции Шаттергрانا можно изучать так же хорошо, как и на примере Кеттелин, а то и куда успешнее, но... Кеттелин сидела по другую сторону костра, привалившись спиной к этому Филину, и уже больше часа смеялась над историями Хайсина. Каждый новый взрыв смеха давался ей все тяжелее: она держалась за живот и утирала слезы. И Рэйвен был рад, что кто-то сумел развеселить ее так сильно... и в то же время тосковал и ревновал. Снова и снова прикладывался Рэйвен к чарке, и в какой-то момент Лейкери даже ухватил его за рукав, чтобы отчитать суровым взглядом. Но Рэйвен ничего не мог с собой поделать: впервые его посетило желание не выпить, а напиться, как это делают смертные. Ему было пло-

хо. Так плохо, как никогда не было.

Доктор забрал у него чарку, а вместо нее вложил в руку подопечного... лиру.

- Вот. Займите руки и голову, - пояснил он в ответ на недоуменный взгляд. - Смотреть не могу, как Вы сами себя топите.

Девицы при виде инструмента оживились и придвинулись поближе, приготовившись слушать.

- Лейкери, можно нескромный вопрос? - глянул на врача Рэйвен сквозь дымку опьянения. - Чего Вы с собой НЕ взяли?

Он помахал в воздухе лирой – вещью, которая у любого нормального человека в лучшем случае висит дома на стене гостиной, но уж точно не в походном мешке.

- Одеяла, - признался доктор. - Я почему-то думал, что прогулка займет часа три, максимум – четыре. Но теперь понимаю, почему в прошлый раз Вы так поздно вернулись: даже я чувствую, что если мы сейчас уйдем, это будет выглядеть... кхм... не по-людски. В общем, я прихватил только лиру, небольшой перекус, лекарства и сменную одежду. Ну и так, по мелочи.

- Как еще не арфу, - пробормотал Рэйвен, прислушиваясь к голосу струн, чтобы убедиться, что инструмент не фальшивит.

- Арфа в мешок не помещалась, - беспечно пояснил Лейкери.

- Северный лорд будет рассказывать истории? – оживилась одна из девиц, когда Рэйвен закончил с настройкой и на пробу тронул пальцем струны, слушая их совместный звук.

- Нет, - растерялся он. – Просто хотел тишину развеять.

- Жаль, - расстроилась девушка. – У нас под гусли обычно сказки бают.

- Это не гусли, - чувствуя огромное желание прикрыть глаза рукой, ответил Рэйвен. Нет, определенно, Кеттелин тут была единственной образованной женщиной.

Он попытался абстрагироваться от этого соседства и снова тронул струны. На открытом пространстве звук распределился странно. Не было привычного эха от сводчатых потолков или того теплого и тихого звучания, что получалось, когда звуки гасили ковры, подушки, мягкая мебель и портьеры его комнаты. Лира звучала без эха, но звук ее разлетался далеко, так что разговоры вокруг почти сразу стихли, и гуляющие один за другим принялись разворачиваться к нему.

Рэйвен смутился. Он не ожидал такой реакции, ведь лира – инструмент скорее сопровождающий, чем солирующий. Когда она звучала в доме его отца, никто ее голоса и не замечал, воспринимая как постоянную и неотъемлемую часть атмосферы гостиной и зала приемов. А смертные слушали его так, будто он играл по меньшей мере на скрипке. Причем первой скрипке. И как будто ждали чего-то.

«История! - озарило его. – Они тоже думают, что я буду рассказывать сказки».

Рэйвену стало неловко. Он никогда не был хорошим декламатором. Да и вряд ли смог бы еще и говорить: он и с простенькими переборами-то справлялся с трудом. Все-таки, музыка никогда не была его Любимым делом, а лишь способом разогнать скуку и одиночество.

Время все шло и шло. Смертные начали переглядываться и слегка хмуриться от того, что ожидаемый ими рассказ все никак не начинался. Рэйвен же продолжал играть. А что ему оставалось? Убрать инструмент со словами «Извините, стесняюсь»? Рано или поздно они ведь должны вернуться к своим разговорам. И тогда лира станет тем, чем и должна быть – фоновым инструментом, способом слегка раскрасить тишину сумерек.

Пламя костра вдруг слегка подросло: кто-то подложил в него свежий сухостой, и тот занялся. А потом за пламенем возникло движение. Тонкая рука описала полукруг. Замерла. Снова ожила и извилистым движением сопровождала движение искр. Рассыпались волосы по плечам – Кеттелин вытянула из пучка шпильку, скреплявшую его. Оттолкнулась ногой и перелетела через костер, будто бесшумная ночная птица. Люди принялись отодвигаться, а Рэйвен завороченно уставился на ее темный силуэт на фоне подросшего костра.

- Я возьму? – шепнула Кеттелин, склонившись к нему.

- Да, - ответил Рэйвен, не поняв, о чем, собственно, она просит, но безоговорочно со всем согласившись. Кеттелин кивнула и подхватила с земли аккуратно сложенную ленту

его шейного банта – без Тобиана Рэйвен не стал и пытаться правильно его завязать. Кеттелин медленно протянула шелк между пальцами, будто оценивая его плотность, сверкнула на Рэйвена глазами и сказала:

- Ну?

Он замер, пытаясь понять, чего она хочет. Определенно, сегодня он разучился ее понимать. Если вообще когда-либо понимал.

- Играйте, - Лейкери слегка толкнул его под локоть. Рэйвен спохватился и снова начал играть. Кеттелин удовлетворенно кивнула. Затем сделала шаг, другой, ловя ритм. Подбросила кусок шелка, поймала его за край и пошла вокруг костра беззвучной гибкой тенью. Шелк живой змеей полетел следом. Люди еще отодвинулись, освобождая дорогу, но Кеттелин это не требовалось: она шла босиком среди чарок так, что те почти не двигались, перепрыгивала через одних воинов, пробегалась по другим. Она совершала кувырки и перевероты, длинные прыжки и почти незаметные скольжения. За шелком в ее руках было проще уследить, чем за движениями ее тела.

Рэйвену показалось, что он снова спит и видит сон: до того другой, совершенно незнакомой предстала ему девушка. Не было ни одного резкого или шумного движения. Она двигалась сквозь сумерки как призрак, как обрывок флага на сильном ветру. Рэйвен уже видел нечто подобное, когда наблюдал за ее тренировкой, но тогда это были резкие и гру-

бые движения, а сейчас она будто смеялась в лицо всем тем, кто называл ее «страшной бабой» и двигалась так, как умели только танцовщицы из русальего рода, что некогда посетили Эльдар с труппой бродячих артистов. Те двигались, как вода, но они в каком-то смысле и были водой. А Кеттелин... Рэйвен сглотнул слюну. Интересно, если б она знала о бурлящих в нем эмоциях, стала бы так неосторожно отдаваться во власть танца прямо перед его глазами?

Кеттелин задержалась на другой стороне, загороженная от Рэйвена костром. Жаркое пламя искажало ее движения, но подсвечивало рельефно исполосованную шрамами спину. Шелковая лента скользила по ее телу, то обнимая его тесными кольцами, то невесомо соскальзывая. Рэйвен не столько увидел, сколько угадал, что движения ее бедер вдруг стали чуть более соблазнительными. Да и поза сменилась. Движения рук манили, подзывали подойти ближе. Ладони Рэйвена вспотели, а в душе начал снова вскипать гнев: Кеттелин танцевала для Хайсина.

Он сумел сдержать свои эмоции. Выпустил их через пальцы, невольно сделав музыку чуть более нервной и страстной. Силой воли отвел глаза от этой пары. А все остальные продолжили изумленно глазеть, не веря своим глазам: Кеттелин в каждом разбудила желание. И каждый теперь сожалел, что она танцует не для него. Дураки. Куда они смотрели раньше? Неужто не замечали, как она прекрасна? Рэйвену потребовалось всего три дня, чтобы навеки подарить ей свою душу. А

ведь он эльдарец – человек, который вообще не должен разбираться в красоте местных девушек. Куда они-то все смотрели?

Рэйвен все-таки не смог долго противиться желанию еще раз полюбоваться ее движениями и глянул на Кеттелин ровно в тот момент, когда хорошо узнаваемые руки Хайсина – густо поросшие короткими черными волосками – попытались ухватить ее за талию. Девушка вывернулась, смеясь. И еще раз. И еще. Разгоряченный унагиец сорвался со своего места и стал ее ловить. Кеттелин снова пошла вокруг костра, играясь с шелковым платком из тонкого меридийского шелка. Хайсин догонял. Она стала ускоряться. Рэйвен вынужденно ускорил темп игры, с трудом успевая перебирать струны. Кеттелин мчалась все быстрее, Хайсин становился все более разгоряченным. Вот он уже почти поймал ее, дернул за кусок шелка...

Кеттелин прыгнула, пролетела сквозь пламя, оттолкнулась руками от земли и приземлилась ровно за спиной Рэйвена, лишь слегка коснувшись в полете его волос. Хайсин с победным кличем ломанулся следом, тоже прошел сквозь огонь, но его неожиданно встретил длинный и узкий клинок, что сверкнул над головой Рэйвена. Руки эльдарца дрогнули от неожиданности, и музыка смолкла. В наступившей тишине потрескивание костра показалось всем оглушительным.

- Ешь свою кобылу, - тяжело дыша, сказала Кеттелин, кратко махнув острием клинка в сторону табуна.

Унагиец растерялся. Потом по его лицу мелькнула тень понимания. А затем черты лица его искривились в яростной гримасе. Рэйвен напрягся, поняв, что сейчас унагиец окончательно рассвирепеет.

- Ах ты... - начал Хайсин, сжав кулаки и подавшись было вперед, но тут его схватил за плечо Филин.

- Тише, друг, - сказал шаттергранец. – Остынь. Она ж тебя предупреждала, что соблазнит и не даст. И ты сам сказал, что кобылу съешь, если такое случится.

- Разрешаю не есть, а только покусать, чтобы пар спустить, - ехидно хмыкнула Кеттелин из-за спины Рэйвена и слегка опустила неизвестно откуда взявшееся оружие. – И верни лорду Рэйвену его шейный платок.

Хайсин еще некоторое время побуравил ее взглядом, потом молча бросил трофей на землю, сплюнул в костер и ушел в сумерки, что-то бухтя себе под нос. Народ проводил его смешками, а затем взгляды толпы обратились на «артистов», и Рэйвен впервые в жизни услышал настоящие аплодисменты. Три шаттергранки, что все время игры только слушали, не решаясь придвинуться, теперь оживились и попытались повиснуть на его плечах. Рэйвен дернулся, подавшись желанию уползти от них, но уперся спиной в острые коленки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.